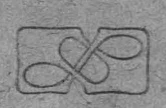
Российская Коммунистическая Партия (больш.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МАТЕРИАЛЫ

Всероссийской Партийной Конференции

4—7 августа 1922 г.



Издание Агитпропотдела Тулгубкома

ТУЛА—1922

1-я типография Тулгубсовнархоза, ул. Коммунаров, 42.

Итоги Всероссийской Партийной Конференции.

(По докладу т. Меерзона на расширенном пленуме Губкома).

Всероссийская конференция Р. К. П., состоявшаяся 4—7 августа, рассмотрела все основные вопросы политики партии и Сов. Республики. Собравшись в момент подведения итогов целого этапа революции, конференция наметила линию и задачи нашей работы в предстоящий новый период, как в области международной, так и в области внутренней политики.

Наша международная политика.

В центре нашей внешней политики за весь последний год стояли вопросы, связанные с Генуэзской и Гаагской конференциями. Чтобы под'итожить результаты этих конференций и выяснить их действительный исторический смысл и значение, мы должны отвлечься от газетной шумихи, декораций, парадных речей, меморандумов и т п. дипломатических „надстроек“, которыми конференции сопровождались, и обнаружить те глубокие причины, которые привели и наших врагов, и нас к встрече и переговорам. Что заставило капиталистов итти на торг с нами? Здесь в основе лежит экономическая необходимость для западно-европейского капиталистического хозяйства воссоздать целостный организм мирового хозяйства, распавшийся за время войны и революции. Потрясенное небывалым в истории капитализма хозяйственным кризисом, длящимся с весны 1920 года и не обнаруживающим сколько-нибудь серьезных признаков ликвидации, мировое хозяйство ищет выхода из хозяйственного тупика: 1) в восстановлении Германии и России, как двух важнейших составных частей мирового хозяйства и 2) во включении России, этого огромного рынка для сбыта фабрикатов и приложения капиталов и этого неисчерпаемого источника природных богатств и сырья, в сферу мировых хозяйственных связей, мирового товарооборота. Этот путь особенно необходим для английского хозяйства, этой „фабрики мира“, которая по всему своему экономическому укладу особенно тесно связана с внешними рынками и внешней торговлей. Такова сила, толкавшая капиталистов на соглашение с нами.

С другой стороны, и Сов. Республика, бьющаяся в тисках разрухи, остро нуждается в восстановлении хозяйственных связей с мировым рынком и в привлечении иностранного капитала к восстановлению хозяйства России. Без помощи иностранной техники, без дополнительных материальных средств из-за границы нам очень трудно сколько-нибудь быстро возрождать нашу хозяйственную жизнь, до основания потрясенную в последние годы. Правда, мы до сих пор некоторых успехов достигли собственными силами. После небывалого падения производства в 1920 г. мы имели под'ем в 1921 году. Он был сорван весенним кризисом прошлого года, но безрезультатно этот под'ем, конечно, не прошел. В настоящем году мы имеем уже более прочные успехи. Перелом наступил, и мы начали двигаться вперед по пути к хозяйственному возрождению. Так, мы в этом году производим угля ежемесячно на 42% больше, чем в прошлом году, чугуна на 50% больше и так во всех областях промышленности. Мы собрали в этом году урожай, на один миллиард пудов превышающий урожай прошлого года. Под'ем налицо. Но темп его чрезвычайно медлен. Мы все еще имеем катастрофически низкие цифры производства по сравнению с довоенным временем. Так, мы производим в месяц всего лишь 950 тыс. пудов чугуна против $21^1/_2$ мил. пудов в 1913 году. Наш урожай, эта основа нашего хозяйства, все еще не достиг довоенных размеров, выражавшихся в $4^1/_2$ миллиардах пудов (в этом году мы собрали менее 3 миллиардов пудов). Таким образом, хотя некоторый под'ем в нашем хозяйстве и намечается, но разруха настолько глубоко подорвала наши производительные силы, что под'ем этот при столь медленном его темпе еще не скоро приведет нас к восстановлению хозяйства хотя бы в довоенных размерах. Поэтому, как капиталистам, так и нам чрезвычайно необходимо восстановление взаимных хозяйственных связей и участие иностранного капитала в восстановлении нашего хозяйства. Таковы причины, приведшие Европу к Генуэзской и Гаагской конференциям.

Но они соглашения не дали. Европейский капитал, коллективно выступая на этих конференциях, пытался добиться такого соглашения с нами, которое на деле означало бы полное экономическое подчинение Сов. России европейскому капиталу. За спиной дипломатов стояли группы капиталистов, мечтающих о возвращении их бывшей собственности в России и былой власти над хозяйством страны. Уркарт, б. владелец крупнейших предприятий на Урале, фактически вертел политикой буржуазных делегатов в Генуе, отстаивая даже не интересы буржуазии в целом, а лишь интересы маленькой кучки заинтересованных капиталистов.

В Гааге, где было меньше декораций, эта связь буржуазной дипломатии с кучкой непосредственно заинтересованных капиталистов была

еще яснее. Там буржуазные страны были представлены агентами обществ бывших собственников в России. Понятно поэтому и то, что основным вопросом спора стал вопрос о реституции, то-есть вопрос о возвращении владельцам национализированных имуществ, их фабрик, шахт, рудников и т. д. А эта реституция означала бы полную экономическую капитуляцию России, так как она отдала бы в руки капитала основные командующие позиции нашей промышленности.

Естественно, что на такую форму соглашения мы не пошли. В этом вопросе мы стали на непримиримую позицию, так как, желая использовать капитализм для дела строительства социализма, мы ни в коем случае не дадим себя использовать в интересах капитала. Мы, чтобы добиться соглашения, пошли на уступки и предложили компенсировать бывших собственников предоставлением им концессий на условиях, выгоднее обычных. Но и эту уступку мы обусловили получением кредитов в 3¼ миллиарда рублей золотом. Но капиталисты, стремясь к возвращению собственности и не имея возможности дать нам кредита, стояли на своем. Мы дальше не уступали, и конференции были сорваны. Соглашения достигнуто не было. Но силы, толкающие к нему, попрежнему действуют. Экономическое сожительство Сов. России и капиталистич. мира одинаково необходимо и нам, и нашим врагам. Вот почему после неудачи с коллективным соглашением на очередь стал вопрос о сепаратных соглашениях между нами и отдельными буржуазными странами, и к этому направлена сейчас наша внешняя политика.

Нельзя, однако, говорить о полной безрезультатности Генуи и Гааги. Некоторые выгоды они нам дали. Наш авторитет и уважение к нам, как к определенной силе, поднялись после конференций на небывалую высоту. Мы показали всему миру, что мы готовы отстаивать твердо и решительно наши интересы. Мы добились далее договора о ненападении, правда, краткосрочного, но все же важного, как начало политического соглашения с буржуазной Европой. Мы получили далее договор с Германией (Раппальский), который важен не только в смысле его выгодности для нас, но и как первый действительно справедливый договор Сов. России с буржуазной страной.

В дипломатической борьбе с капиталом мы устояли и даже одержали некоторые победы. Это явилось результатом нашего политического и хозяйственного укрепления, с одной стороны, и непрерывного, все прогрессирующего развала капитализма, с другой.

Этот развал капитализма за последние месяцы стал совершенно явным процессом. Лучшей его иллюстрацией является германский вопрос, который никак не может быть разрешен буржуазией. Германия стонет под гнетом невыносимых репарационных платежей, который Германия

выносить не в состоянии. Это приводит к непрерывному обесценению марки, разрушению германского хозяйства, а следовательно, и хозяйства других связанных с нею хозяйственными узами стран. Германии нужен заем—ей его не дают, пока условия Версальского договора, разоряющие Германию, остаются в силе. Антанта сознает необходимость облегчения этих условий, но она этого сделать не может. Франция согласна на пересмотр договора лишь при условии отказа Англии от получения французских долгов. Англия согласна на это лишь при условии отказа Соединенных Штатов Америки от получения английского долга. Америка же ничего знать не хочет и настаивает на получении военных долгов. Такова сеть противоречий, которых капиталисты не могут никак разрешить. Они этого вопроса о Германии и о долгах. даже не ставили в Генуе. Когда он был поставлен на Лондонской конференции премьеров, эта конференция провалилась, потому что Англия по этому вопросу не может договориться с Францией. Пуанкаре выставил такие требования к Германии, которые усилили бы Францию и которых поэтому не принимает Ллойд-Джордж. Они топчутся на месте и откладывают решение вопроса до лучших времен. Этот политический кризис Антанты, имеющий в своей основе еще очень серьезные противоречия интересов Англии и Франции на ближнем Востоке, является сейчас важнейшим событием политической жизни Европы и лучшим свидетельством развала капиталистического строя.

Картина этого развала представится нам еще яснее, когда мы посмотрим на внутреннее положение буржуазных стран. Финансовый кризис, граничащий с банкротством во Франции, миллионная безработица и борьба с Ирландией в Англии, открытая гражданская война в Италии, рост коммунистического движения, сопровождаемый переходом решительной части буржуазии и помещиков в наступление за монархию в Германии—все это симптомы политического развала капитализма, говорящие о смертельной болезни этого отжившего строя. Такое его состояние укрепляет нашу позицию в борьбе с ним и дает нам возможность твердо отстаивать наши интересы. Партийная конференция, признав правильной военную политику Ц. К. дала ему именно такую директиву—твердо стоять на защите интересов республики, обратив главное внимание на внутреннее политическое и хозяйственное укрепление Советской России.

Международное рабочее движение.

Ведя с капиталистами переговоры о соглашении, необходимом для укрепления Советской России, мы в то же время продолжаем нашу

работу по подрыву капиталистического мира наростающим мировым революционным движением.

В порядке дня Всероссийской Конференции стоял и вопрос о предстоящем 7 ноября 4-м всемирном конгрессе Коминтерна.

Этот конгресс собирается в обстановке депрессии, упадка волны рабочего движения Рабочие массы Европы устали, разочарованы вследствие прошлых поражений, угнетены экономическим кризисом, безработицей. 2-й Интернационал в связи с этим за последние два года окреп и превратился в мощную организованную силу, все еще руководящую большинством европейского пролетариата и имеющую в своем распоряжении аппарат профсоюзов, об'единенных в Амстердамский Интернационал. В связи с депрессией усилились явно соглашательские течения в рядах двухсполовинного Интернационала, который прежде вынужден был под давлением революционных масс прикрываться революционной фразой, а теперь открыл свое настоящее социал-предательское лицо и стремится к слиянию с 2 Интернационалом. Однако, наряду с этими явлениями упадка, происходит и противоположный процесс укрепления революционных сил и подготовки их к будущим боям. В рабочих массах, стонущих под ударами наступающего капитала, пробудилась тяга к единому фронту борьбы с капиталом, к единству для действия, пока, правда, оборонительного.

Это стремление масс к борьбе и заставило соглашателей пойти на переговоры о нашем предложении выступать единым фронтом.

Эта первая попытка создания единого фронта, сделанная на Берлинском совещании трех Интернационалов, потерпела крах. Тяга масс к борьбе единым фронтом оказалось пока еще слишком слабой, чтобы заставить оппортунистов пойти на деле единым фронтом с нами. Но обстановка борьбы труда с капиталом в Европе все более и более усиливает эти настроения масс, и каждое новое поражение в борьбе за сносные условия жизни заставляет рабочие массы все острее выдвигать вопрос об едином фронте против эксплоатации капитала.

Второй революционный процесс—это укрепление коммунистических партий, которые медленно, но непрерывно завоевывают на свою сторону наиболее революционные и наиболее угнетенные капиталом массы рабочих. Наши партии на Западе представляют уже собой хорошо организованный авангард революционного пролетариата, с несколькими миллионами членов, дисциплинированных и сплоченных. Роль коммунистических партий в профсоюзах растет с каждым днем, и лучшим показателем этого является присоединение к Профинтерну революционной части французских союзов, отколовшихся от соглашательской Конференции Труда и создавшей свое об'единение.

Нашей задачей в этих условиях является: 1) продолжать борьбу за единый фронт пролетариата, разоблачая при этом буржуазную политику соглашателей, увиливающих от единого фронта, и завоевывая на свою сторону массы в процессе борьбы единым фронтом и борьбы за единый фронт и 2) вести дальнейшую повседневную работу по организационному и идейному укреплению коммунистич. партий и усилению их влияния и роли в рабочем движении.

Вопрос о борьбе за единый фронт еще окончательно не разрешен всеми партиями Коминтерна. Французская и итальянская партии, только недавно порвавшие с соглашателями, настроены в части своей оппозиционно по отношению к единому фронту. Они боятся стереть ту грань между соглашателями и коммунистами, которая еще не успела за короткое время достаточно углубиться. Это психологически понятно, но нисколько не менее вредно для интересов революционной борьбы.

Этот вопрос должен будет окончательно разрешить 4 конгресс и покончить с колебаниями в этом вопросе.

Тесно связан с этим вопрос о тактике наших партий в профсоюзах, вопрос, играющий решающую роль в работе Коминтерна, поскольку завоевание профсоюзов—основное условие для победы Коминтерна. Наша позиция в этом вопросе сводится в основном к тому, чтобы, оставаясь в рядах соглашательских союзов и борясь в них единым фронтом за экономические интересы пролетариата, разоблачать предательство соглашателей и постепенно завоевывать в них большинство. Эта тактика дала свои результаты. Мы имеем ряд побед. В Чехо-Словакии наша партия руководит профдвижением. В Германии, в основных ее центрах, мы имеем за с бой ряд важнейших союзов, и наше влияние особенно ярко обнаружилось на недавно происшедшем с'езде фабрично-заводских советов, где мы получили большинство. Во Франции мы имеем за собой Унитарную Конференцию Труда. В Италии к нам за последнее время присоединился ряд союзов. В связи с этими нашими победами, достигнутыми правильной тактикой работы в профсоюзах, соглашатели повели кампанию против нашего влияния в союзах.

Там, где за ними еще есть большинство, они выбрасывают из союзов коммунистов, в одиночку и группами. Их предательство доходит даже до того, что они вместе с предпринимателями выбрасывают из предприятий при сокращении штатов наиболее революционные элементы рабочих. Таким путем пытаются реформисты сохранить свое влияние в союзах. Конечно, встречаясь с такой тактикой, нам приходится нашу позицию менять и итти на создание своих, красных профсоюзов, ставя их задачей—делом и агитацией отвоевывать у соглашателей обманутые ими масы. Но это только модификация, изменение

нашей тактики соответственно условиям каждой страны. В основном же мы в связи с лозунгом единого фронта стремимся сохранить единство профессионального движения, извнутри революционизируя и завоевывая профсоюзы.

Во все эти вопросы должен будет внести ясность и окончательно закрепить нашу тактику в них 4 конгресс.

Конгресс должен будет далее выработать программы коммунистических партий Западной Европы, Балкан, Скандинавских стран и Японии. Программы эти должны будут подвести фундамент под тактику и всю деятельность наших партий и окончательно закрепить их идейно. Это—огромная и важнейшая работа, назревшая в связи с оформлением и укреплением компартий и долженствующая еще более оформить и укрепить их.

Конгресс обсудит также положение отдельных партий Коминтерна, играющих в нем основную роль. Он поможет отдельным партиям своим опытом и направит их работу по выдержанной линии. И здесь прежде всего стоит вопрос о французской партии, который на 4 конгрессе займет то же место, что вопрос о германской партии на 3 конгрессе. Наша партия во Франции имеет громадное большинство над реформистами. Ее газета „Юманите“ имеет тираж свыше 200.000 экзем., больше тиража любой коммунистич. газеты Запада. Тем не менее, французская партия еще не совсем укрепилась. В ней еще остались реформистские элементы, в ней еще живут соглашательские настроения проявляющиеся не в программных вопросах, а в отдельных, но весьма важных политических вопросах. В ней есть также и анархистские и синдикалистские уклоны, вообще очень сильные во французском рабочем движении. В ней проявляются даже пацифистские настроения (толстовские). Эти уклоны проявились в вопросе об едином фронте, проведению которого французск. партия противилась, и наиболее ярко проявляются в вопросах организационного строительства партии, которые играют огромную роль в жизни всякой боевой партии. Два примера: когда часть членов Ц. К. предложило выделить бюро Ц. К. для повседневного руководства партией, внутри партии пошли страстные споры, и некоторые товарищи говорили, что это противоречит демкретизму, что это монархический способ работы и т. д.

Второй пример—это вопрос о Сенской федерации, основной организации франц. партии, в которую входит Париж. И эта федерация поставила вопрос об автономии федерации внутри партии, то-есть об ослаблении роли Ц. К. партии, который должен заниматься только важнейшими принципиальными вопросами руководства партией, вся же практическая работа должна вестись федерациями самостоятельно.

Для нас, русских большевиков, эти организационные вопросы давно разрешены, и эти уклоны в „демократизм“ кажутся дикими. Там же эти вопросы стоят довольно остро, и их нужно разрешить. Конгресс займется основательно французской партией и направит ее вперед по пути к окончательному оформлению и укреплению.

Далее станет вопрос итальянский В Италии социалистич. партия, во главе которой стоял Серрати, фактически раскололась вследствии того, что правое крыло, реформисты, повели открытую буржуазную политику Серрати и его группа в манифесте признали ошибкой свою линию в Ливорно, где они порвали с коммунистами, чтобы остаться с реформистами. Левое крыло соц. партии Италии тянется к Коминтерну, и вопрос об этой группе, имеющей за собой широкие массы рабочих, станет перед 4 конгрессом.

Вопрос о германской партии будет стоять на конгрессе совсем не в той плоскости, как он стоял в прошлом году. За этот год германская партия совершенно изжила кризис и укрепилась. Но она все еще не имеет в Германии той роли, какую она должна иметь, если принять во внимание положение Германии и значение революции в ней Партия шейдемановцев имеет еще в своих рядах в четыре раза больше членов, чем партия коммунистов. Германская партия должна вырости в гораздо большую силу, и задачей ее является достижение миллиона членов. Эта задача чрезвычайно трудна в Германии, где все активные элементы пролетариата уже об'единены в партиях. Но ее нужно выполнить, и эту задачу должен будет поставить конгресс перед германской партией.

Мы видим, что, несмотря на упадок рабочего движения, силы революции зреют, наши партии на Западе крепнут и завоевывают на свою сторону все более широкие массы. И это дает нам уверенность в нашей конечной победе.

Внутреннее политическое состояние.

Основной осью нашего внутреннего положения является, понятно, наша новая экономическая политика, развитие и результаты которой определяют не только экономическое, но и политическое положение республики. Сущность этого НЭП-а — строительство коммунизма в условиях страны, где преобладает мелко-крестьянское земледелие, и в условиях замедленного темпа развития мировой пролетарской революции. На практике проведение НЭП-а — это строительство и укрепление социалистических форм хозяйства при одновременном развитии частно-хозяйственного капитализма, который мы до поры до времени допускаем и который мы впоследствии, укрепив свои позиции в промышленности

и получив помощь западного пролетариата, начнем поглощать средствами нашей экономической и политической диктатуры.

Такой характер нашего экономического положения отражается неизбежно и на нашем политическом состоянии. Наряду с укреплением пролетариата и ростом его силы и влияния на крестьянские массы—результатом укрепления промышленности и улучшения материального положения рабочих масс, мы имеем и будем иметь в стране одновременно рост буржуазных элементов, которые, вырастая на почве частного хозяйства, должны неизбежно начать борьбу и за свое политическое влияние в стране, а затем и за свое господство.

Это—в городах торговая и промышленная буржуазия, развивающаяся на почве торговли и свободы предпринимательства, кулачество в деревне, крепнущее благодаря свободе торговли и закабалению бедноты, для которой условия НЭП-а (налоги и т. д.) довольно тяжелы, особенно в условиях разоренного за прошлые годы хозяйства.

К этим буржуазным слоям примыкает буржуазная интеллигенция, которая и по своему социальному существу, и по идеологии близка к буржуазии. Политическим авангардом этих буржуазных элементов являются, несомненно, меньшевики и эсеры, за которыми идут не только мелко-буржуазные элементы города и деревни, но временно также и элементы буржуазные, так как их революционная и социалистическая фразеология, очень тонко прикрывающая их буржуазную сущность, может в известных условиях ввести в заблуждение трудовые массы и сделать их орудием восстановления буржуазного господства. Рост капитализма и буржуазии в условиях окружения Сов. России капиталистическим миром, всячески старающимся поддержать буржуазные элементы внутри России, несет для нас несомненные опасности. Отсюда наша основная политическая задача—укрепить свои политические позиции и не дать врагу закрепиться на его позициях, то-есть, вести на него непрерывное политическое наступление.

Чтобы бить врага, нужно его изучить. Какова сейчас тактика возрождающейся буржуазии?

Об этом она сама, устами кадетского „Руля“, говорит: «И как только эта НЭП,а появилась на свет божий, так сразу, со всех сторон протянулись, правда, очень тонкие, даже воздушные, нити оппозиции, которые, далеко переплетаясь и сплетаясь, образуют все более густую и прочную сеть. Куда только ни посмотрят большевики, всюду они ударяются в эту стену и чувствуют, а то уже и сознают, что в цепях они безусловно запутаются». Эта оппозиция проявляется и в литературе, и в театре, и на разных с'ездах интеллигенции и т. д. Буржуазия пытается консолидироваться, то-есть сплотиться, не только эконо-

мически, выступая против нас, как частно-хозяйственный капитал, но и идейно-политически, создавая свою идеологию, свою общую программу борьбы с революцией и стараясь провести в массы интеллигенции, молодежи и даже отсталые трудовые массы свои политические взгляды.

Тактика буржуазных элементов сейчас—это использование легальных возможностей, политическое врастание в организм Сов. республики, медленный обход ее с тыла, подкоп под нее тихой сапой. Вот примеры этой тактики. У нас за последние месяцы народилась масса буржуазных издательств (в Питере их 83, и в Москве—337). Они издают разные вещи: экономич. журналы, альманахи, беллетристич. произведения. И всюду в них под самым невинным флагом проводится одна и та же мысль—как избавиться от большевиков.

В школе политика буржуазной интеллигенции перешла за пределы воспитания молодежи в буржуазном духе. Мы видели в забастовке профессоров попытку овладеть школой, как мощным орудием политической пропаганды. Мы слышали лозунг „автономии школы", то-есть ее независимости от пролетарского государства и зависимости от контрреволюционной профессуры. Но с этими попытками нам справиться сравнительно легко. Опаснее те пункты, в которых наши политические враги пытаются найти связь с широкими массами. Это—профсоюзы и кооперация. В союзах мы видим стремление завоевать низовые органы (месткомы, разные комиссии, технич. органы, органы соц. страхования и т. д.), и сюда особенно сильно стремятся меньшевики. Эс-эры пытаются, и не без успеха, окопаться в кооперации, особенно сельско-хозяйственной, где они хотят найти позицию, приближающую их к крестьянской массе. Мы имели в прошлом году с'езд с-х. кооперации, где боролись между собой 2 фракции—кадетская и эсеровская, коммунистов же было там всего 2 человека. И нам сейчас с большим трудом приходится выбивать с.-р. из этой их позиции.

Зная эту тактику буржуазии, мы должны наметить пути борьбы с ней. Каковы наши задачи в этой области?

Первая задача—это вытеснение буржуазных элементов из всех их позиций и прочное завоевание их нашей партией. Мы должны завоевать все решительно низовые органы союзов, не только производственных, но и полу-пролетарских, интеллигентских. Мы должны выбить врагов из кооперации, особенно сельско-хозяйственной, и применить здесь меры не столько давления политического, сколько экономического, поддерживая одни организации и экономически удушая другие. Мы должны далее вооружиться для борьбы с буржуазией на идейном фронте. Ни в коей мере не допуская свободы печати для буржуазии, мы должны свою литературу, свои газеты довести до самой толщи масс и моло-

дежи, противопоставляя разлагающему влиянию буржуазии свою здоровую классовую идеологию. Мы должны широко поставить культурную работу среди пролетарских и крестьянских масс, использовав возросшую тягу к знаниям для усиления и углубления революционного пролетарского сознания в массах и для борьбы с буржуазными настроениями и влияниями в них.

Мы должны, наконец, поставить боевой задачей—завоевание рабочей, крестьянской и интеллигентной молодежи, от настроения которой зависит очень многое в нашем будущем.

Вот те основные позиции, из которых мы должны выбить врагов и которые мы должны сами прочно занять.

Вторая наша задача—вести курс на разложение буржуазных сил, которые сейчас перестраиваются и консолидируются, с одной стороны, и претерпевают одновременно процесс разложения, с другой. Укрепление пролетариата, его экономич. силы и политич. силы и сознательности привело к разложению в рядах соглашателей и буржуазной интеллигенции. Левые с-р. окончательно откалываются от правых и вообще умирают. Среди правых с-р. новый откол—выделилась крайне-правая группа Авксентьева и Керенского. У меньшевиков, с одной стороны, выделилась крайне-правая группа „Заря", называющая себя „внепартийными социал-демократами" и очень близко подошедшая к чисто-буржуазным либеральным группам. Слева от меньшевиков отделяется группа, критикующая Ц. К. меньшевиков за его непримиримую позицию по отношению к коммунистам. Это у соглашателей. Но тот же процесс разложения захватывает и чисто-буржуазные группы. Студенчество, которое до сих пор было в огромной массе своей контр-революционно, раскалывается. Даже такой заядлый противосоветский слой, как генералитет, и тот не устоял против влияния революции, и мы имеем ряд переходов его представителей на сторону Советской власти (Слащев и др.). Наконец, образовалось сменовеховское течение в буржуазной интеллигенции, „приемлющее" пролетарскую революцию и призывающее интеллигенцию к деловой работе вместе с Сов. властью. Конечно, сменовеховцы очень далеки от нас; среди них, конечно, сильны еще настроения буржуазно-реставраторские, надежды на перерождение Сов. России в буржуазно-демократическую Россию и на постепенное вытеснение коммунистов культурными силами буржуазии. Но наряду с этим не следует забывать и положительной роли сменовеховства, заключающейся в борьбе с контр-революционными настроениями интеллигенции и вырывании ее из-под влияния интервенционистской и заговорщической деятельности буржуазии.

Мы должны этому процессу разложения врагов содействовать. К каждой враждебной или только чуждой нам группе мы должны применить особую тактику, дифференцировав ее в зависимости от ее существа и значения. Мы должны откалывать на свою сторону сочувствующие нам элементы, содействовать отделению их от неисправимых врагов и оформлению их сознания, привлекая эти группы к деловому сотрудничеству с нами в деле восстановления хозяйства страны. Но, одновременно с этим, мы должны попрежнему применять репрессии по отношению к злостным противникам, подрывающим нашу политическую и экономическую мощь. От революционного насилия, от репрессий мы не отказываемся. Однако, применять их мы должны теперь с уменьем, с осторожностью, хорошо учитывая, когда, как и к кому репрессии применять.

На одних репрессиях сейчас далеко не уедешь—мы должны наглядно показать массе, что мы умеем ее материальные нужды и ее культурные потребности удовлетворять лучше и во всяком случае не хуже, чем это делают эсеровские кооператоры, профессионалисты или кадетствующие профессора и литераторы. Антисоветские организованные группы мы должны ликвидировать комбинированной политикой политических и экономических репрессий и разоблачения перед массами, не только агитацией, но и делом, бесполезности и вредности этих групп с точки зрения насущных повседневных интересов массы.

Наступая на врага, мы должны в то же время укрепить позиции пролетариата—его революционную сплоченность и влияние на крестьянство. Здесь главную роль должны сыграть такие массовые организации, как профсоюзы и кооперация.

Проводя последовательную тактику защиты интересов рабочей массы и сплачивая их вокруг себя, профсоюзы должны сыграть роль передаточного механизма между партией и миллионными пролетарскими массами.

Если мы правильно поставим тактику союзов и их отношения с администрацией и рабочими массами, если мы через союзы покажем массе на деле улучшение в ее экономич. положении, мы будем вести за собой пролетариат.

Такую же роль играет по отношению к крестьянству кооперация. Мы должны превратить ее в орган политического и хозяйственного влияния пролетариата на крестьянство, и мы это можем сделать, поскольку кооперация является той массовой общественной организацией, которая об'единяет и рабочих и крестьян и которая, удовлетворяя насущные интересы и тех и других, может создать ту здоровую экономическую смычку пролетариата с крестьянством, которая является основным условием и для политического руководства пролетариата крестьянством.

Ударным участком здесь является с.-х. кооперация, которая должна сыграть огромную роль в хозяйственном возрождении крестьянства и в особенности в деле защиты бедноты от кулацкой эксплоатации. Вообще, крестьянство сейчас под влиянием НЭП вновь расчленяется. Кулак крепнет и развивается. На этот слой мы, конечно, опереться не можем, и он уже сейчас проявляет недовольство налогами, законами о труде и т. д. С другой стороны, разоряется бедняк, который не выносит налогов, страдает от малейшего стихийного бедствия, подпадая под эконом. зависимость от кулака. Сейчас беднота недовольна, но мы можем и должны ее вокруг себя сплотить. Государственным кредитом, кооперированием, борьбой с кабальными сделками мы должны ей помочь, привлекая ее таким путем на сторону пролетарской власти и создавая из нее политическую опору Сов. власти в деревне.

Успешное ведение борьбы с противосоветскими элементами и победа в этой борьбе, конечно, основным своим условием имеет сохранение и усиление крепости нашей партии. Решающую роль во всей нашей борьбе играет пролетарский авангард—Р. К. П., и наряду с общеполитическими задачами мы должны поставить перед собой и задачи внутри-партийной политики.

Наши враги предсказывали, что мы под влиянием НЭП,а разложимся. Они должны будут горько разочароваться. Наша партия сейчас сплочена и едина, и лучшим свидетельством этого является парт. конференция, прошедшая с редким единодушием и деловым настроением. Но мы не должны закрывать глаза на опасности и уклоны, замечающиеся все же в наших рядах. Различный характер носят они, но все они в конечном счете представляют собой результат влияния на партию Нэповской стихии. Среди части ответственных, главным образом хозяйственных работников имеется уклон, так-сказать, реалистический в сторону слишком большого увлечения НЭП'ом и они забывают преходящий временный характер НЭП'а, как вынужденной уступки пролетариата.

Противоположный уклон—это отрицательное отношение к НЭП'у. По существу это непонимание сущности нашей политики и результатов тех тяжестей, которые с ней связаны. На почве этого непонимания, а главное тяжестей, некоторые неустойчивые элементы, особенно из крестьянства, выходят из партии.

Третья опасность—это материальное неравенство среди членов партии, отдаление верхушки по условиям жизни от массы. Опасен и уклон специализации верхушки по определенным отраслям работы и разрыв между отдельными ее слоями (профессионалисты, хозяйственники, партработники и т. д.).

Пятый уклон—это стремление неустойчивых элементов к личному благополучию, мещанскому бытию, домикам, коровкам и т. д.

Итак, мы видим в партии, с одной стороны, здоровый процесс, с другой—явления болезненные. С одной стороны, протекает процесс консолидации партии, ее сплочения, единения, а с другой—процесс загнивания некоторых элементов (мещанское житие), размывания других (выходы из партии) и разрыв, специализация в рядах партии.

Мы должны естественно усиливать здоровые явления и бороться с болезненными. И здесь перед нами встает ряд задач. Мы должны этот год об'явить годом учебы и выдвижения, годом поднятия сознательности партийных товарищей и выдвижения на этой основе наиболее активных товарищей снизу. Мы должны свою воспитательно-партийную работу ставить на основе самодеятельности, саморазвития товарищей, избегая метода *«накачивания»* знаниями. Мы должны особенное внимание в данных условиях обратить на подбор стойкого аппарата партии и на его воспитание. Мы должны начать применять к каждой ячейке, к каждому товарищу особый, дифференцированный подход в отношении работы, выполнения обязанностей, воспитания и т. д. Укрепляя рядом этих мер партию, мы должны проводить работу по отсечению от партии некоммунистических элементов, поддающихся НЭП'овскому разложению.

Из частных партзадач, намеченных конференцией, следует отметить вопрос об обеспечении командного состава партии, все более изнашивающегося, и об усилении работы по оказанию помощи нуждающимся коммунистам в порядке взаимопомощи.

Следует еще отметить выработку конференцией нового устава партии, который заложил основу организационного строительства партии в связи с новыми условиями.

Итоги партийной конференции ярче всего характеризуются ее основным лозунгом: экономическое отступление закончилось, политическое наступление продолжается. Уничтожив наших врагов, как политическую силу, и укрепив свою политическую мощь, мы сможем использовать данный этап революции для движения вперед и строительства коммунистического строя.

Международное положение Сов. России.

Доклад т. Сокольникова.

В стороне от большой дороги.

Товарищи! Гаагская конференция явилась прямым продолжением Генуэзской. Но тогда как Генуэзская конференция собиралась в атмосфере повышенного, напряженного внимания представителей бесконечного количества держав, тогда как на Генуэзской конференции были представлены лучшие силы наших противников,—в противоположность этому Гаагская конференция собиралась в атмосфере гораздо более скромной, собиралась до некоторой степени в стороне от большой дороги европейской политики. Гаагская конференция не включала в своем составе со стороны наших противников политических деятелей, которым могло бы принадлежат непосредственное решающее слово. Гаагская конференция собиралась, как конференция экспертов, которые должны были изучить положение, которые должны были подготовить то или иное решение, которые сами решений не могли принимать, а должны были свои заключения передавать на разрешение правительства.

Но, несмотря на эту обстановку скромности, Гаагская конференция могла получить не менее первостепенное значение, чем конференция Генуэзская.

В самом деле, вся эта обстановка как раз была расчитана для того, чтобы создать некоторый, так сказать, кабинетный уют, в котором противники наши расчитывали получить от Советской России наибольшие уступки, расчитывали, что в Гааге, в противоположность Генуе, советская делегация, отбросив коммунистические принципы, пойдет на прямую или прикрытую капитуляцию. Конечно, если советская делегация в Гааге пошла бы таким путем, весьма возможно, что непосредственные результаты Гаагской конференции были бы значительнее тех, которыми мы обладаем теперь. Однако, советской делегации не пришлось итти этим путем. Она имела определенные директивы правительства и выдержала свою линию поведения в Гааге. Таким образом, на первый взгляд Генуя и Гаага не дали непосредственных результатов Тем не менее, мы можем отдать себе полный отчет в том, что Генуя и Гаага составляют для Советской России, для пролетарской власти несомненный шаг вперед.

Этот шаг состоит в том, что если год тому назад нам приходилось еще добиваться права присутствия на международной конференции, если самая возможность допущения советской делегации наравне с делегациями буржуазных стран на международные конференции была спорной, то теперь это стало фактом.

Признание не юридическое, а практическое.

Советская Россия вошла в круг европейских правительств. Если конференции не кончились формальным признанием Советского правительства де-юре, если не кончились непосредственным подписанием какой-нибудь бумажки, то все же обе они представляют собой этап фактического завоевания Советским правительством своего фактического признания, как законного и единственного правительства России.

Появление нашей делегации в Генуе и Гааге было логическим последствием краха интервенционистской политики.

Экономическая изоляция является ударом для самих же капиталистических стран Европы. Кризис, который свирепствует в Европе, не прекращается ни в какой степени. Европейские буржуазные государства сами заинтересованы в т м, чтобы прекратить экономическую изоляцию России, и капиталистические страны вынуждены сами втягивать нас в орбиту экономических международных связей. Советская Россия, как независимое государство, не побежденное в мировой войне, в гражданской войне, становится одной из крупнейших политических сил в Европе, становится политическим фактором, на который нельзя закрывать глаза. И поскольку разгорается и продолжается в Е ропе ожесточенная война буржуазных группировок, поскольку империалистская война прекратилась, как война с оружием в руках, но продолжается, как борьба за власть, в самых разнообразных формах, которая каждый день, каждую минуту может породить новую вспышку войны,— постольку буржуазные группировки заинтересованы в Советской России, как в политическом факторе, могущем оказать влияние на исход этой борьбы. Прекращение политической и экономической изоляции и повлекло к нашему участию в Генуэзской и Гаагской конференциях. Но отсюда далеко до формального общего соглашения, до успеха отдельных соглашений между Советской Россией и буржуазными странами или союзом буржуазных правительств. И в Гааге и в Генуе можно было бы достигнуть соглашения, если бы мы пошли гораздо дальше в своих уступках по отношению к требованиям буржуазных правительств.

Требования буржуазии.

Какие же основные требования они пред'являли нам в Гааге? Основным требованием было возвращение частной собственности, принадлежащей иностранцам, старым владельцам. Этот пункт был кардинальным. Вначале у, так называемой, нерусской стороны конференции существовало предположение, что в этом отношении русская делегация пойдет навстречу требованиям иностранных владельцев.

Нам поставили следующий вопрос. Одно из двух: либо Советская Россия признает возвращение иностранной собственности бывшим собственникам, либо, если Советская Россия отвергнет это требование, должна быть другая компенсация бывшим собственникам. „Но, прибавил бельгийский делегат, какую компенсацию можете вы дать? В действительности вы не можете дать никакой реальной компенсации и поэтому вы можете только одним путем покрыть убытки бывших собственников, а именно—путем возвращения им их бывших владений“. К этой точке зрения присоединился и председатель английской делегации Ллойд Гримм.

Таким образом, получилась некоторая игра слов: противная сторона соглашалась отказаться от требования реституции, т. е. возвращения, для того, чтобы заменить ее компенсацией, т. е. возмещением убытков, а затем через двери компенсации должна была войти эта же самая реституция не потому, что частные собственники восстанавливаются в правах, но потому, что для покрытия их убытков им возвращаются их же фабрики, заводы и собственность. Товарищи, по этому вопросу мы не могли оставить ни малейшей неясности, так что делегация и официально, и в частных разговорах категорически заявляла, что если нам пред'является требование возврата собственности бывшим иностранным собственникам, то мы можем на это ответить только одним — что этой собственности, национализированной пролетарской революцией, мы не отдадим: в течение ряда лет гражданской войны мы сражались и отстояли свое право на национализацию этой собственности, что здесь для нас заключается одно из основных завоеваний октябрьской революции и это завоевание может быть стерто лишь с нашей гибелью.

Товарищи, по этому принципиальному вопросу о возможности возмещения убытков бывшим собственникам, только не в форме возврата им их имений, советская делегация на конференции сказала, что этот вопрос может быть разрешен в благоприятную сторону, что Советская Россия может допустить принципиально компенсацию, если предварительным условием обсуждения этого вопроса являлось бы соглашение с Советской Россией, обязательным элементом которого было бы пре-

доставление Советской России широчайших и значительных кредитов, которые позволили бы быстро двинуть вперед дело хозяйственного восстановления Советской России.

Товарищи, советская делегация в Гааге считала, что если бы значительные кредиты (вы знаете, что мы пред'явили кредитную программу на 3.200 мил. руб.), что если бы такого рода кредитная программа имела шансы на осуществление, то, в интересах крестьян и рабочих, в интересах всех трудящихся, мы могли бы пойти на значительные жертвы, могли бы пойти на значительные уступки.

Таким образом, для нас вопрос стоял совершенно практическим деловым образом. Мы могли согласиться на известные уступки в том случае, если бы выгоды, получаемые нами при этом, были бы больше, чем те жертвы, которые бы мы при этом понесли.

Кто представлял Антанту?

Для противоположной стороны в Гааге дело шло не о защите общеевропейских интересов, не о восстановлении русского хозяйства, а о защите интересов определенной группы собственников, и в этом отношении наиболее знаменательным является список экспертов, влиятельных членов конференции, которые присутствовали в Гааге. Со стороны Франции присутствовал и был председателем одного из предприятий *Альфан, директор бюро защиты частной собственности французских граждан в России.* Другой представитель—французский представитель *Шевильи, бывший коммерческий агент по делам торговли в России, бывший владелец каучуковых фабрик.*

Дания была представлена *Андерсеном, председателем общества защиты датских претензий к России.* Япония и прочие страны были представлены точно так же. Для этих людей вопрос шел о защите интересов тех, кто их послал, а не о защите интересов европейского хозяйства, или русского хозяйства. Для этих экспертов решающим моментом являлся именно отказ советского правительства от возвращения имущества бывшим собственникам, от реституции.

Вокруг концессий.

Но была еще возможность, что, отказываясь формально от реституции, Советская Россия предложит ту же самую реституцию в виде концессий, т.-е. возвратит 99 проц. частной собственности, но не в виде собственности, а на началах аренды, на началах долгосрочных концессий. И поэтому противоположная сторона с большим нетерпением

ожидала, когда же будет пред'явлен список тех концессий, которые Советская Россия намерена дать Этот список концессий был пред'явлен, но он вызвал самое жестокое разочарование со стороны нерусской комиссии. И это понятно. Это был список, выработанный нашим Госпланом и разработанный, конечно, не с той точки зрения, с какой будут даны удовлетворения бывшим собственникам. Он был разработан с точки зрения хозяйственных интересов Советской России. И на следующем же заседании, после того, как мы дали этот список концессий, председатель подкомиссии заявил, что если этот список концессий является окончательным, то нерусская комиссия должна заявить, что он является совершенно неприемлемым, потому что он содержит совершенно незначительный процент бывшей собственности, принадлежавшей тем или другим иностранцам. На вопрос, является ли этот список окончательным, делегация отвечала, что этот список, хотя и не является окончательным, но содержит в себе значительную часть тех концессий, которые Советское правительство предполагает дать иностранцам Бельгийцы, рассмотрев этот список, с ужасом увидели, что в нем не имеется почти ни одного бывшего бельгийского предприятия. И с этого момента позиция бельгийской делегации на конференции была решена. Не увидев там ни трамваев, ни южных металлургических заводов, ни электрических предприятий, бельгийская делегация должна была, со своей точки зрения, ясно сказать: для чего мы здесь присутствуем? Примерно, такие же самые соображения были и у других делегаций. Французская делегация при виде этого списка концессий впала в настроение, которое мало отличалось от настроения бельгийской делегации, так как бывшие собственники получали здесь чрезвычайно мало. Французская делегация, представлявшая интересы бывших собственников, информировала Париж,—и после этого заседания пришла срочная директива Пуанкаре, предложившего французской делегации в 3 дня покончить с конференцией.

Но если линия французской политики была в Гааге ясна, то каким образом французская делегация могла создать большинство, каким образом она привлекла на свою сторону английскую делегацию и каким образом получила поддержку итальянской делегации?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно рассмотреть два рода фактов и соображений. Первый заключается в следующем. Срыв Гаагской конференции обозначал сам по себе только развязывание рук для всех, и если Париж предлагал сорвать, прекратить переговоры в Гааге, то Лондон мог ответить так: прекратив эти переговоры, вы только развязываете нам руки, так что выступление английской делегации в Гааге, солидарное с французской, еще не означало выступле-

ния английского правительства солидарно с французским против советского правительства. Оно означало только известный дипломатический маневр. Но есть и другая сторона в этом деле. Она заключалась в следующем.

Развал Европы.

В Европе сейчас не этот вопрос стоит в центре; не русскими делами занимается больше всего европейское общественное мнение. Европа в гораздо большей степени поглощена сейчас своими собственными неурядицами. Она в гораздо большей степени вынуждена заниматься лечением своих собственных болезней, которые угрожают самому существованию даже того относительного порядка, который существует теперь в Европе. На улицах главных городов идет стрельба. Убивают сегодня в Берлине Ратенау, завтра в Лондоне маршала Вильсона, после завтра стреляют в Пуанкаре и попадают или не попадают в Мильерана. Это обрисовывает само по себе обстановку, в которой живет Европа. Ряд острейших политических столкновений, которые все исходят из невозможности развязать Гордиев узел версальских затруднений, и являются доминирующими в Европе. Германия должна платить Франции свои долги в виде контрибуции. Она не может этого сделать. Не получая немецкой контрибуции, Франция не в состоянии выплатить англичанам свои военные долги. Англия, не получая платежей от Франции, не в состоянии выплатить Америке свои долги и, когда Америка требует, чтобы Европа начала свои платежи по военным долгам, она получает от Европы ответ: дайте нам кредит, дайте Германии кредит, в этом случае возможна уплата по долгам.

Но Америка не испытывает никакого желания при настоящем положении дела давать заем Европе или Германии. Финансовый кризис обостряется и на почве этого финансового кризиса растут политические затруднения. Французские оккупационные корпуса стоят на границе Рурской области по прежнему; французское правительство угрожает, что если немецкие платежи не будут внесены в срок, то французские войска займут угольный район, а это будет обозначать экономическое расчленение Германии. Но Франция ведет борьбу и за политическое расчленение Германии. Она поддерживает германских сепаратистов, она поддерживает Юг Германии против Севера.

Цыганский торг.

В этой борьбе, которая является борьбой за полную гегемонию Франции на европейском континенте, английскому правительству прихо-

дится предпринимать целый ряд сложнейших маневров и перегруппировок. Сегодня англичане вместе с итальянцами выступают против Франции. Завтра в Константинополе по турецкому вопросу французы и итальянцы выступают совместно против англичан.

Вчера на Генуэзской конференции Ллойд-Джордж мог грозить французам признаками советской коалиции. Вчера Ллойд-Джордж мог намекать Франции, что для борьбы против французской гегемонии на континенте он будет поддерживать Россию и Германию против Франции. Это было вчера. А на другой день, в Гааге, Ллойд-Джордж мог свободно пожертвовать русскими интересами, сделать уступку Франции по русскому вопросу для того, чтобы сохранить единый фронт союзников в основном вопросе и в вопросе о немецких репарациях.

Товарищи, так именно обстояло дело; именно этот цыганский торг привел к тому, что русский вопрос был в Гааге только одной из карт в игре Ллойд-Джорджа, в игре Англии, и здесь, конечно, можно было сыграть так или иначе. Карты выпали таким путем, что солидарность английской и французской делегации была торжественно продемонстрирована в Гааге на вопросе о требовании, пред'явленном России.

Но, товарищи, это требование никакого выхода из положения не создает, и если не по пути общего соглашения, то по пути отдельных соглашений с теми или другими сторонами нам придется итти в дальнейшем.

Кредиты.

Этот же вывод подсказывается и той обстановкой, которую подсказал в Гааге вопрос о кредитах. Наша программа в 3.200.000.000 р. произвела довольно потрясающее впечатление на Гаагскую конференцию, хотя все-таки даже европейская печать признала, что цифра в 1.000.000.000 для транспорта, это, пожалуй, немного, что 750.000.000 на крестьянское хозяйство или около 1.000.000.000, это тоже не слишком много.

Делегаты противоположной стороны пытались отвергнуть требование о кредитах на промышленность тем соображением, что большевики требуют кредитов на промышленность в первую очередь для того, чтобы поддержать пролетариат, который является его опорой, и этого-то и нельзя допустить, и поэтому-то нельзя давать кредиты для промышленности, чтобы таким образом парализовать опору Советской власти в России.

В вопросе о кредитах нам в конце-концов был дан ответ, что ни одно правительство, представленное на конференции, не имеет в своем

распоряжении кредитов, которые они могли бы дать Советскому правительству. Это первое. Второе, что речь может итти о кредитах со стороны частных капиталистов и отдельных банковых групп.

Сами не в лучшем положении.

Первое заявление, что европейские правительства, представленные на конференции, не имеют кредитов, которые они могли бы предоставить Советской России, было подтверждено нашей экспертизой, которая выяснила, что финансовое положение европейских правительств таково, что ни копейки свободной за душой у них нет. В самом деле, эти правительства в целом ряде случаев являются совершенно нищими и сами содержатся за счет иностранных кредитов; те же, которые не содержатся за счет иностранных кредитов, сами являются близкими к банкротству. Исключение из группы европейских стран представляет одна Англия.

Положение таково, что если мы заглянем во французский бюджет, то мы увидим, что он сводится на ближайшие годы с дефицитом в 4 миллиарда. Если мы посмотрим в итальянский бюджет, то мы увидим, что он сводится с дефицитом в 4 миллиарда лир.

Неплатежеспособные покупатели.

Если мы на Гаагской конференции заостряли всю постановку вопроса в такой форме, что Советская Россия готова итти на целый ряд уступок и все эти уступки обоснованы предоставлением нам значительных кредитов для ускорения нашего хозяйственного под'ема, то все наши уступки, наша готовность итти на них для иностранных делегаций должны были звучать, как насмешка. Для них было ясно, что ни одной копейки, ни одного гроша они в своем распоряжении не имеют, и что какие бы уступки мы не сделали, они этих уступок оплатить не смогут. Но, товарищи, это показывает лишь одно, что уступки наши могут быть использованы только теми, кто в самом деле имеет хоть что-нибудь, кто может предложить нам за наши уступки, имея что-нибудь реальное в свою очередь, что страны, которые находятся в стесненном экономическом положении, не могут явиться участниками в таком европейском соглашении, что соглашение может произойти только с теми, кто обладает достаточными средствами и может предложить нам реальные выгоды за наши реальные уступки. Этот вывод напрашивается совершенно явным образом.

Позиция малых стран.

Поскольку он напрашивается, постольку целый ряд мелких стран, политически слабых, заинтересовались общеевропейским соглашением, потому что, если будет единое соглашение с той или иной группой, с тем или иным крупным капиталистическим государством, то мелкие страны не попадут в это соглашение и, таким образом, их собственники не получат удовлетворения. Поэтому создалось такое настроение, когда определялся разрыв на Гаагской конференции, что целый ряд малых государств, малых стран, явно пожалели о том, что этот разрыв произошел. Создалась возможность для советской делегации, опираясь на эти мелкие страны, на нейтральные страны, которые жалели о срыве общеевропейского соглашения, в последний раз сделать попытку выяснить, определить с полной ясностью и указать, что для достижения реального соглашения Советская Россия готова была-бы пойти на уступки, и что, именно, с одной стороны, пред'явленные требования со стороны бывших собственников и, с другой стороны, невозможность предоставления кредитов привели к срыву соглашения.

Товарищи, вот основные моменты Гаагской конференции.

Наша сила в нашем внутреннем укреплении.

После исхода Генуэзской и Гаагской конференций мы должны отдать себе ясный отчет, что время для организации широких международных кредитов, широких международных займов, для нас не пришло, что правительства дать нам международный заем в настоящее время не могут, и что для того, чтобы добиться соглашения с той или другой политической и экономической группировкой, нам нужно в ближайшее время доказать, что мы не капитулируем, тем более, что по мере изживания голода и войны мы становимся все сильнее и сильнее, а стало быть, и гораздо менее склонными итти на жертвы и уступки, чем в Генуе и Гааге. Это мы должны доказать сейчас европейскому капиталистическому миру в первую голову. И поэтому я считаю, что наши задачи в области экономической политики могут быть разрешены как раз именно в области наших внутренних политических отношений. Мы можем себе сказать, что центр работы сейчас в нашем внутреннем укреплении. Мы должны поставить работу таким образом, чтобы в максимальной степени использовать благоприятный урожай, какой мы имеем в текущем году. Мы должны на основе этого благоприятного урожая развить коммерческие отношения с иностранными державами, поднять промышленность, использовать укрепление внутреннего рынка, использовать улучшившееся эко-

номическое положение для улучшения, в свою очередь, положения финансового, и тогда, когда мы станем сильнее, мы сможем разговаривать уже другим языком. И тогда и отдельные соглашения, которые мы будем заключать, дадут нам максимум выгод, при минимуме уступок.

Содоклад т. Радека.

— Т. Сокольников в своей речи дал отчет о той стадии наших переговоров с капиталистическими державами, которая носит название „Генуя—Гаага". Я остановлюсь на принципиальном значении этих переговоров.

Само собой понятно, что тот факт, что на этих конференциях были и Россия и Германия, показывает, что мы имели дело с международным сдвигом, с попыткой приостановить развал Европы, являющийся последствием войны и Версальского мира. Два вопроса встали в центре обеих конференций: взаимоотношения между основными частями капиталистического мира в целом к новому, нарождающемуся пролетарскому миру—к Советской России.

Генуэзская конференция была созвана под знаком краха Версальского мира. С того момента, когда весной этого года, еще перед Генуей, Германия обратилась к союзникам с заявлением: мы не можем больше платить,—стало ясно, что Версальский мир стал втупик. 29 числа прошлого месяца господин Пуанкаре заявил во французском сенате: мы можем занять сколько угодно областей в Германии, но таким путем мы можем только получить немножко бумажных денег и немножко товаров. Этот захват не окупит стоимости содержания войск.

Это сказал Пуанкаре 29 июля, это знал Бриан, соглашаясь на Генуэзскую конференцию. И несмотря на это, вопрос об отношении к Германии—центральный вопрос для внутренних отношений капиталистического мира—был исключен из порядка дня Генуи.

Союзники и капиталистический мир знают великолепно, что от реставрации германского капитализма зависит возможность реставрации капиталистического мира вообще.

И несмотря на это, или именно потому, Франция не решилась выдвинуть германский вопрос, как предмет обсуждения на Генуэзской конференции, ибо тогда нейтральные державы, заинтересованные в реставрации Германии, при поддержке английского капитализма, как главного покупателя и главного продавца для Германии, в первую очередь, заинтересованного в восстановлении германского капиталистического хозяйства, навязали бы Франции решение, которое бы способ-

ствовало реставрации германского капитализма за счет развала французского капитализма. Это показало, что, несмотря на весь развал капитализма, капиталистические державы не в силах ставить на обсуждение своих групповых интересов. Их раздирает взаимная борьба групповых интересов, в жертву которой они приносят восстановление хозяйства на капиталистических основах.

Вопрос о Дальнем Востоке совершенно не обсуждался. Он считался разрешенным в Вашингтоне, хотя Вашингтон не приступал к его разрешению. Вопрос о Ближнем Востоке не ставился, несмотря на требования советской делегации, потому же, почему не ставился и германский вопрос. Интересы Англии и Франции в этом вопросе расходятся, и они не хотели ставить его на обсуждение незаинтересованными непосредственно державами, которые попытались бы уладить его с точки зрения общекапиталистических интересов. Вопрос о воссоздании хозяйства Европы разрешался в 10 коммиссиях (или даже больше). Были выработаны платонические резолюции, ценность которых видна из следующего: во время Генуэзской конференции за доллар платили 250 марок, теперь за доллар дают уже 780 марок.

Англо-французские противоречия, которые являются основным стержнем всей европейской политики данного времени, не только не притуплены, не устранены в Генуе, но, наоборот, Генуя по русскому вопросу привела к такому столкновению интересов, что обе стороны решили отложить всякие разговоры об этом, лишь бы только не разойтись окончательно. Таким образом, попытка составления единого капиталистического фронта для восстановления хозяйства, предпринятая в Генуе, показала, что в капиталистическом мире нет строителей даже капиталистической Европы. С этой точки зрения ясно, насколько правильной была политика советской делегации, которая пришла в Геную с пацифистской программой

Само собой разумеется, что коммунистических основ для восстановления хозяйства капиталисты принять не могли, и мы поставили перед ними их собственную программу, выдвинутую их более разумным флангом. Но тут оказалось, что капиталистические державы в состоянии употреблять эту программу только для обмана масс, но не могут ничего сделать для восстановления разрушенного хозяйства.

Товарищи, этот крах буржуазной пацифистики предрешил отношение капиталистических держав к русской проблеме. Вы помните, как мотивировал Ллойд-Джордж в своей докладной записке в Каннах необходимость привлечения Советской России в Геную? Он сказал Франции: «Вы указываете на разрушенные области на севере Франции, Англия имеет также громадные разрушенные области,—это мировая торговля,

это цифра безработных, это весь упадок английской промышленности и экспорта, которые угрожают таким хозяйственным развалом, что даже такие советники, как Гендерсон, Томас и Клейнс не в состоянии будут задержать социальной революции в Англии».

В этом документе-меморандуме Ллойда-Джорджа в Каннах мы читаем: «Или остановим этот распад, или страны развитого капитализма будут стоять под угрозой русских событий».

Это сказал Ллойд Джордж, так он мотивировал необходимость втянуть Россию в орбиту международного хозяйства. Он указал, что хотя это сразу не даст никакого большого облегчения, но самый факт открытия нового громадного рынка и нового источника сырья будет исходным пунктом экономического под'ема, который сумеет побороть громадный послевоенный кризис.

Как же на деле была проведена в жизнь эта программа Ллойд-Джорджа? Мы пошли на Генуэзскую конференцию с определенной позицией. Мы заявили: вы должны считаться с фактом Октябрьской революции. Вы не сумели побороть ее с оружием в руках Но если мы требуем от вас, чтобы вы считались с фактом победы Октябрьской революции и вашим поражением в вооруженной борьбе, то мы, с нашей стороны, готовы считаться с другим фактом, с существованием, пока что, капиталистического мира и с тем, что Россия собственными силами может только медленно восстановить свое хозяйство. На этих двух основных фактах мы строили наш компромисс. Мы заявляли открыто: «Мы не возвратим убытков старым иностранным владельцам. Иностранный капитал в своих руках имел такую значительную часть основных отраслей промышленности России, что если бы мы отдали ему все это, то Советское правительство осталось бы без социальной базы. Оно не имело бы в своих руках промышленного рычага для развития земледелия. Нельзя от нас требовать самоубийства. Мы доказали на деле, что мы не кандидаты в самоубийцы». Мы заявили также: «Мы не сдадим вам всю иностранную промышленность в концессии, не сдадим по простым причинам: старое распределение производительных сил России было не планомерно: в угольной, в нефтяной промышленности — полная чересполосица, которая мешает техническому прогрессу. Мы будем вам сдавать в концессии только то, что будет соответствовать нашим интересам. Мы хотим сдать часть нашей промышленности в концессии и требуем от вас (если вы говорите о восстановлении европейского хозяйства), чтобы вы вложили новые капиталы в это восстановление». Только таким образом можно ускорить экономическое восстановление, которое даст нам возможность начать уплату процентов по старым долгам, которые, понятно, должны быть доведены до посильных для России размеров.

Мы предлагаем компромисс, состоящий в сохранении завоеваний Октябрьской революции при одновременной уплате частичной дани капиталистическому миру, от которого мы требуем кредита. И в Генуе, и еще более рельефно в Гааге, мы узнали условия союзников. Они сводятся к требованию полнейшей капитуляции, к ликвидации Октябрьской революции. Когда союзники говорят нам, чтобы мы либо вернули национализированную у иностранцев промышленность, либо компенсировали их за нее, чего, по их словам, мы сделать не можем, то они требуют от нас отказа от национализации большинства отраслей крупной промышленности. Когда союзники говорят: «Мы не дадим Советскому правительству кредитов», то тут сказывается не только стремление ликвидировать Октябрьскую революцию. Ведь, они согласны кредитовать кооператоров и частных лиц. Что это значит? Иностранный капитал хочет, во-первых, войти в непосредственное сношение с русским крестьянством, чтобы его эксплоатировать, а, во-вторых, чтобы Советское правительство не было в состоянии своими социальными мерами приблизить крестьянство к социализму.

Товарищ Сокольников прав, указывая, что все капиталистические государства обанкротились. Но частные капиталистические группы безусловно располагают значительными капиталами. Если дело обстоит так, то правительства Западной Европы, не будучи в состоянии дать нам заем из собственного бюджета, могли бы это сделать, оказав давление на частный капитал. Но у них определенная линия финансового бойкота Советского правительства, конечная цель которого—принудить нас сдать не только бывшую иностранную промышленность, но и всю промышленность в руки капиталистов. Многие товарищи делают отсюда вывод, что модус вивенди между первым пролетарским государством и системой капиталистических держав вообще невозможен. Но это преждевременное суждение. Я не хочу сказать, что в книгах истории предопределено, что мы добьемся признания и экономической помощи от капиталистической Европы. Но, может быть, что безусловно идущий вперед развал капитализма приведет раньше к победе социальной революции в одной из больших промышленных стран, чем капиталисты научатся считаться с тем фактом, что мы существуем. Но, с другой стороны, капиталистический мир не может ждать без конца нашей гибели.

Капиталистический мир не создал единого фронта. Разногласия между союзниками в Европе глубочайшие, борьба между Англией и Францией имеет такой размер, что в официальных французских газетах вполне откровенно при рассмотрении вопроса о воздушном флоте указывается на Англию, как на возможного военного противника. Положение

на Дальнем Востоке углубляет старые противоречия, на Ближнем Востоке также ничего не улажено, и мы можем с полным спокойствием сказать следующее: «Не мы к вам, господа, придем, а вы к нам придете. Если вы не придете даже по экономическим причинам, то в борьбе, которая будет между вами, для каждого из вас не будет безразличен вопрос, будем ли мы нейтральны».

Что же касается экономики, то без России нельзя строить мирового хозяйства.

Господин Гувер, американский министр торговли, рассчитал, что в Америке для России работали только 20,000 рабочих; он говорит: «Мы будем печатать библию для обращения в христианство большевиков, и этим 20,000 рабочих дадим занятие». Но г. Гувер забыл маленькую вещь Он забыл, что нельзя реставрировать Германию без реставрации России, что нельзя без восстановления германского хозяйства восстановлять мировое хозяйство. Отказ от восстановления России поставит крест над возможностью говорить о восстановлении мирового хозяйства.

Но тут возникает вопрос, можем ли мы выжидать без больших кредитов. На это мы отвечаем указанием на урожай, который не зависит от союзников, а говоря на языке, за который меня товарищ Бухарин выругает, зависит от бога, или—не так метафизически,—от природы. Пока что, в этом году мы имеем хороший урожай. Это позволит нам увеличить наш засев и, если мы сумеем приступить к налаживанию аппарата Внешторга, найти новые меры для стабилизации рубля, то не подлежит ни малейшему сомнению, что основной толчок для возрождения русского хозяйства будет дан в этом году. У нас многие даже считают в России, что лучше даже построить все, что необходимо, собственными силами,—я не разделяю полностью этой теории. Но не подлежит сомнению, что мы имеем теперь возможность выжидать тем более, что среди рабочих масс Западной Европы происходит сдвиг влево.

Если во имя компромисса мы готовы итти на признание долгов, при их сокращении, при их крупной отсрочке, то во всяком случае на программу: «Сдавай и плати», мы не пойдем. Пусть все знают, что мнение нашей партии, выраженное Ц. К. и одобренное партийной конференцией, есть мнение страны. Октябрьская революция была не эпизодом, а первой победоносной волной мировой революции, за которой последуют следующие.

Положение в Коминтерне и задачи 4 конгресса.

Доклад тов. Зиновьева.

Порядок дня конгресса.

— Товарищи, вам известно, что 7-го ноября, в день 5-й годовщины нашей революции, назначен 4-й всемирный конгресс Коминтерна. Все партии, входящие в Коминтерн, приступают уже к предварительному обсуждению того порядка дня, который намечен Исполнительным Комитетом Коминтерна. Этот порядок дня в его главных чертах следующий:

Коминтерну придется еще раз остановиться на главнейших тактических вопросах современности. Поэтому, одним из первых пунктов порядка дня стоит вопрос о тактике Коминтерна. Нет никакого сомнения, что в этом пункте самая большая дискуссия будет по вопросу об едином фронте. Затем, вторым и, может быть, самым важным будет вопрос о программе Коминтерна. Далее стоит вопрос о профсоюзах, аграрный вопрос, работа на Востоке и затем в последнее время возникла мысль поставить в той или другой форме еще раз вопрос о новой экономической политике Российской Советской Республики. На 3-м всемирном конгрессе об этом был реферат тов. Ленина, но тогда наша партия еще только наметила в основных чертах новую политику, и тов. Ленин мог дать только теоретический анализ этой политики. В этом же году мы могли бы представить Интернационалу уже некоторые конкретные результаты и некоторые итоги за год.

Программа.

Что касается вопроса о програме, то здесь следует иметь в виду следующее Выработать единую программу для рабочих всего мира—дело в высшей степени не легкое. В настоящее время в Коминтерн входят 52 партии и, кроме того, ряд групп, примыкающих к Коминтерну, но еще не являющихся вполне коммунистическими. Условия, в которых приходится работать каждой из отдельных этих партий, слишком различны. Это является громадным препятствием для того, чтобы дать единый целостный документ, охватывающий все мировое положение

Коминтерн создал большую программную комиссию, в которую входят лучшие силы международного рабочего движения и в которой, мы

надеемся, примет наиболее деятельное участие тов. Ленин. Кроме того созданы программные комиссии при крупнейших партиях Коминтерна на Западе: при французской партии, германской, итальянской, чехо-словацкой и др. Затем создана специальная комиссия, которая должна наметить программу японской коммунистической партии. В этой комиссии работает тов. Катаяма, ветеран японского рабочего движения, тов. Бухарин и ряд других товарищей.

Мы придаем особое значение работе по подготовке программы японской коммунистической партии. В течение пяти лет революции нам было крайне трудно завязать непосредственную связь с японским рабочим движением. Японское правительство охраняет свою страну слишком ревниво.

Европейцам, даже не коммунистам, крайне трудно проникать в Японию, и только несколько месяцев тому назад удалось впервые принимать в Москве многочисленную делегацию японских коммунистов и революционных синдикалистов. Это были выдающиеся пролетарии, которые прошли большие испытания в японских тюрьмах и имеют за собой годы революционной работы. Японское движение является в высшей степени важными для Коминтерна, потому что там мы имеем непочатый еще край свежего, революционного пролетариата, не деморализованного международным оппортунизмом. В Японии есть и реформистское крыло, которое имеет порядочные силы, но движение, взятое в целом, носит печать свежести и силы молодого пролетарского движения. Япония переживает канун 1905 года. Рабочая коммунистическая партия в Японии, которая еще немногочисленна, но влияние ее растет с каждым днем, это рабочее движение должно сейчас привлечь к себе внимание передовых пролетариев всего мира.

Далее создана программная комиссия, которая должна дать проект программы для балканских партий, с одной стороны, и скандинавских— с другой. Мы взяли два уголка Европы, весьма почтенных по размерам с несколько различной социальной структурой и поэтому, по-своему, типичных. На Балканах мы имеем следующее положение. В Болгарии наша партия представляет собою огромное большинство рабочего класса и значительное количество крестьянства. В самой Болгарии соотношение сил таково, что переход власти к рабочим не был бы так труден; вся трудность в окружении Болгарии. В Юго-Славии мы имели могучую партию, которую путем белого террора удалось на время ослабить. В Греции мы имеем молодую растущую коммунистическую партию: ее ЦК за героическую борьбу против войны на этих днях арестован. В Ру-

мыним за нами большинство организованных рабочих; это доказал с'езд прежней об'единенной партии; но переход румынского правительства к белому террору парализовал на время работу партии. Этот переплет на Балканах заставил подумать о том, чтобы дать программу балканских партий совершенно особо.

Скандинавские партии в других условиях. Здесь нашим наиболее сильным пунктом является Норвегия, где мы имеем подавляющее большинство среди рабочих, где завоеванные нами профсоюзы вышли из амстердамского об'единения, где буржуазное правительство зависит от нашей коммунистической партии. Норвегия — страна рабочего движения, с профсоюзами, имеющими в значительной мере хорошие традиции. Едва ли можно ожидать, чтобы скандинавские страны выступили застрельщиком мировой революции. Их роль особая, но роль характерная. Поэтому Коминтерн считает необходимым, чтобы, по крайней мере, для одной из важнейших скандинавских стран мы на 4-м конгрессе дали точно формулированную программу. Вот та подготовительная работа, которая проделана для выработки программы.

Мы отдаем себе отчет, как трудно будет работать.

Чтобы не было разочарований, надо наперед сказать, что выработать программу - дело настолько трудное и настолько сложное, что если на 4-м конгрессе мы сделаем только подготовительную работу, то и это будет большим шагом вперед.

Коминтерн имел, начиная с 1-го по 3-й конгресс, ряд документов совершенно программного характера. Вспомните, товарищи, тезисы т. Ленина на 1-м конгрессе „О диктатуре и демократии“. Это есть документ капитальный, фундаментальный, программный, а не только тактический. Таких документов имеется несколько за годы существования Коминтерна; мы приступаем, пока что, к работе по сводке этих основных документов, мы имеем таким образом, несколько краеугольных камней из которых должны сложить этот программный фундамент.

Вспомните, товарищи, как пришлось работать над программой нашей собственной партии, когда мы работали над ней в 1917—18 г.г. Владимир Ильич предупреждал нас против излишней поспешности и советовал отложить до следующего с'езда вопрос о программе. А ведь тогда дело шло об одной только стране. Конечно, о стране в настоящее время решающей, в момент ломки, в момент революции, но все-таки об одной стране. Между тем, как теперь мы должны попытаться дать программу, которая охватывала бы положение вещей не только на Балканах и в Скандинавии, не только в Японии и в Америке, но и в целом ряде колониальных и полуколониальных стран.

Профсоюзы.

Что касается вопроса о профсоюзах, то придется сказать, что мы до сих пор стояли и стоим за необходимость соблюсти единство профессионального движения на международной арене. Для того, чтобы провести победоносно революцию, надо завоевать большинство рабочих, а чтобы завоевать большинство рабочих, надо завоевать большинство профсоюзов. Вот поэтому к этому делу нужно подходить особенно осторожно и терпеливо. Мы стояли и стоим за то, чтобы добиться сохранения единства профдвижения, постепенно завоевывая профсоюзы изнутри, как это было в конце-концов и в нашей стране. Раскол в политическом движении в России существует, в сущности говоря, с 1903 года, начиная с 2-го с'езда нашей партии; примерно два десятилетия длится политический раскол. Между тем, как профессиональное движение в России, хотя и с кое-какими перебоями, все-таки оставалось в общем и целом единым. В рамках единых профессиональных союзов в России мы постепенно отвоевываем себе большинство, и теперь профсоюзы маршируют в уровень с нашей партией.

Мы думаем, что Коминтерну следует добиваться такого же развития событий и на международной арене.

Но я должен предупредить нашу партию, что практически этот вопрос на 4-м с'езде будет ставиться иначе. Дело в том, что наши противники—социал-демократы из 2-го и 2½ Интернационалов, из Интернационала Амстердамского,—по мере того, как наше меньшинство профсоюзов становилось более требовательным, перешли к тактике организации раскола в профсоюзах.

Если вы даже поверхностно следите за газетами, то вы увидите, что во Франции, Германии, Чехо-Словакии и Италии наши противники уже приступили к исключению коммунистов из общих профсоюзов. Всюду, где мы начинали становиться более или менее значительной силой, они начинали исключать наших сторонников. И во Франции они дело довели уже до полного раскола, там уже две федерации—реформистская и унитарная (коммунистическо-синдикалистская). В Германии наши враги приступили к исключению коммунистов из тех профсоюзов, где мы становились силой, и где мы были близки к тому, чтобы завоевать половину или большинство легальным путем. За полгода мы имеем целую эпидемию таких исключений. В последнее время эта война несколько задержалась, но в Германии, где дело близится к завоеванию нами некоторых союзов, 2-й и 2½ Интернационалы форсируют раскол,

если они не потеряли еще слабого большинства, за которое они цепляются. Острое положение в этом отношении переживается сейчас в Чехо-Словакии, где мы политически уже победили на 3/4 и где в профсоюзах мы близки к завоеванию большинства и закреплению его. Мы можем завоевать там большинство в общегосударственном масштабе, и Амстердамский Интернационал стал исключать коммунистов из тех союзов, где в большинстве приверженцы 2-го и 2½ Интернационалов Таково сейчас положение и в Италии, где это намерены сделать реформисты. Такая тактика делает необходимым некоторую модификацию и нашей тактики.

Мы за единство профсоюзов и будем продолжать бороться за него. Но в тех случаях, когда мы будем исключаемы, мы либо должны будем организовать наших сторонников, дать им известный концентрационный пункт, либо мы останемся распыленными. А вожди 2-го и 2½ Интернационалов на то и бьют, что мы, стоя за единство, побоимся организовывать отдельно наших исключенных сторонников. В этом смысле, товарищи, 4-й конгресс должен будет вынести очень ответственное постановление. Вопрос о профсоюзах—основной вопрос. Профсоюзы—это главная масса, тяжелая пехота, миллионы, десятки миллионов рабочих, которые решают исход дела. Кто имеет профсоюзы, тот имеет рабочий класс, тот имеет все. Без поддержки вождей профессионального движения буржуазия управлять уже почти нигде не может, так что в вопросе о профсоюзах малейшая модификация будет иметь большие последствия.

Повестка конгресса может пополниться...

Вот, мне кажется, товарищи, самое главное из того, что можно предвидеть в области принципиальных вопросов на 4-м конгрессе.

Разумеется, события развиваются так быстро, что в оставшиеся месяцы могут быть поставлены еще какие-нибудь боевые вопросы. Иногда нам кажется, что события развиваются медленно. На самом деле, об'ективно смотря на положение, это не так. Мы немножко уподобляемся мухе, которая вертится на громадном мельничном колесе и не замечает его движения, а колесо движется. То же самое и с международными событиями. В сущности говоря, за эти 4—5 лет мы видели так много грандиозных событий, что для привлечения нашего внимания нужны события еще более грандиозные. На самом деле то, что происходит сейчас на международной арене, представляет из себя картину довольно быстрого развития. Если скажем, в девятисотых годах какая-нибудь бельгийская стачка за всеобщее избирательное право была международ-

ным событием первоклассной важности, которую обсуждали пять лет, о которой писала Роза Люксембург, то теперь, пожалуй, не преувеличением будет сказать—каждый час происходят события в сто раз крупнее по историческому и удельному весу, чем бельгийская стачка Но мы реагируем гораздо менее активно, чем в свое время на бельгийскую стачку.

Аппетит у международного пролетариата вырос. Одну победоносную революцию пролетариат провел. Мы живем уже в эпоху международной революции—в этом все дело. Вот откуда впечатление, что дело идет слишком медленно. Суб'ективно, это понятно, но об'ективно это не так. Надо сказать, что у буржуазии на этот счет суб'ективные настроения другие. Они считают, что дело идет слишком быстро. И не удивительно будет, если в течение ближайшего времени события будут развиваться попрежнему, и повестка дня 4 го конгресса может пополниться. Если этого не будет, то мы останемся в рамках весьма значительных вопросов, которые мы наметили.

Связь налажена

Кроме этих общих вопросов, на 4-м конгрессе будут обсуждаться некоторые вопросы, касающиеся отдельных секций, отдельных стран. Мы можем теперь близко и конкретно вникать в жизнь каждой отдельной страны, в рабочее движение отдельных крупных стран. Наша связь с отдельными секциями за этот год наладилась. Мы имели за этот год два расширенных заседания Исполкома Коминтерна. Мы нащупали новую организационную форму. 4-й конгресс должен будет закрепить эту форму. Кроме обычного Исполкома Коминтерна, который состоит, примерно, из 25—30 постоянно живущих и от времени до времени сменяющихся членов, мы будем иметь, очевидно, расширенные заседания Исполкома Коминтерна два раза в год, куда будут приезжать выдающиеся вожди всех партий. Фактически эти заседания превращаются в маленькие конгрессы, имеющие иногда большее значение, чем обширные конгрессы.

Связь наша по отдельным секциям наладилась. Мы имеем настоящее братство рабочих, которое не только клянется друг другу в верности, но и фактически делает общее дело. Мы скоро сможем без хвастовства сказать, что мы имеем международный центральный комитет коммунистических партий. Это есть та задача, которой мы добивались несколько лет и решения которой в ближайшем будущем мы полностью добьемся. Это обстоятельство дает возможность поставить на 4-м конгрессе вопросы отдельных крупнейших партий совершенно конкретно.

Насколько можно предвидеть, конгресс займется в первую очередь тремя крупными партиями, правильнее сказать двумя: итальянской и французской, отчасти, может быть, германской.

Италия.

Что касается итальянской коммунистической партии, то как раз в ближайшие дни там ожидаются события крупнейшей важности. Несомненно, общий ход развития нашей партии в Италии тесно связан с ходом гражданской войны в Италии. Итальянское положение наиболее революционно.

В Италии гражданская война перманентна. Мы имеем там войну между рабочими и фашистами. Италия, это—страна, где мы встречаем всеобщую стачку чуть ли не каждые четыре недели. Об'ективно революционное движение там усилилось. Мы там пережили чудовищную измену со стороны Серрати с его группой, который раньше входил в Коминтерн; но потом, когда революционная волна спала, он попытался выйти из Коминтерна, т.-е. он-то хотел остаться, но мы исключили его, потому что он не выполнял программы Коминтерна. Он предпочел союз с меньшевиками союзу с коммунистами. Не прошло и года, и мы дожили до величайшей моральной победы. Не так давно Серрати должен был заявить публично, что считает самой большой ошибкой своей жизни свое поведение на с'езде в Ливорно, когда он пошел с реформистами против нас. Его фракция выпустила официальный манифест, о котором мне пришлось писать в нашей прессе, где фракция максималистов писала то же.

8-го числа состоится с'езд этой партии. Серрати пока остается вместе с реформистами, но раскол там неизбежен, потому что реформисты создали свой отдельный ЦК, свою ежедневную прессу; раскол неизбежен именно по той линии, по которой Коминтерн предлагал им произвести его год—полтора тому назад. Пусть этот итальянский урок не пропадет даром для всего революционного международного движения Тут мы видим, что целая партия прошла целый цикл развития и подтвердила полностью наши взгляды.

Италия—страна большая. Об'ективное положение Италии революционное, и события в Италии сами по себе имеют громадное значение. Эти события особенно важны потому, что кризис итальянского движения носил в себе все черты международного явления. Более или менее во всех странах, и в той или иной форме рабочее движение за эти годы переживало тот же самый кризис, что и рабочее движение Италии. И

итальянский урок с классической ясностью и наглядностью пояснил всем правильность тактики Коминтерна и пояснил всем искренним сторонникам революции, что они должны расколоться со своими меньшевиками и что другой дороги нет. Коммунистическая партия выросла. В нынешней партии Серрати руководителем левого крыла стал Маффи.

Через несколько дней мы будем стоять перед об'ективным фактом раскола, мы будем свидетелями того, как «максималисты» расколются с реформистами, и потом многих из максималистов можно будет вернуть в Коминтерн.

Итальянский вопрос сильно занимал внимание 3-го конгресса, он займет внимание и 4-го конгресса. И тот, кто сопоставит прения на 3-м и 4-м конгрессах по этому вопросу, кто их изучит, тот получит наглядный урок международной коммунистической стратегии, и тот на этом крупнейшем примере рабочего движения утвердится в правильности принципов Коминтерна.

Франция.

На 4-м с'езде значительное место займет также вопрос о французском рабочем движении, вероятно, такое же место, как на 3 м с'езде занимал вопрос о германском рабочем движении. Наша партия во Франции имеет громадное большинство над старой с.-д. партией. Но она, тем не менее, переживает еще болезни, которые недавно нам приходилось выяснять в статье, озаглавленной нами «Рождение коммунистической партии». Эта партия имеет центральный орган «Юманитэ», с тиражем свыше 200,000 ежедневно. Кроме того, она имеет ежедневную вечернюю газету в Париже. Она назвала себя коммунистической партией полтора года тому назад. И, тем не менее, мы говорим, что, пока что, происходит еще только рождение коммунистической партии. Там не все еще уплясалось. Раскол, который там произошел, был еще не окончательным. Остались отдельные случайные группки с обеих сторон баррикады, и они не нашли еще себе окончательного места. Партия не вполне изжила традиции жоресизма. О Жоресе было правильно сегодня сказано, что рядом с чертами пламенного трибуна, рядом с заслугами его перед рабочим движением всего мира, у него были громадные слабости, у него была своя десница и шуйца. Коммунистическая партия Франции не изжила жоресизма В ней живы пацифистские традиции. И в ней же живы полуанархистские и полусиндикалистские традиции. В ней имеют еще место очень большие колебания, начиная от пацифизма почти толстовского типа до фразеологии почти синдикалистского

тапа. Партия переживает перманентный кризис своего Ц. К. Она не нащупала еще руководящей головки своей собственной партии, не смогла еще создать руководящего органа Это — вопрос, на который мы наталкиваемся, увы, почти в каждой крупной секции Коминтерна. Это крупнейший вопрос, стоящий на очереди в коммунистических партиях. Есть крупные партии, которые по числу организованных пролетариев так же сложны, как Российская Коммунистическая Партия. У нас есть чехословацкая партия, насчитывающая 350 000 членов. Есть германская партия, насчитывающая более 300.000 членов. Вопрос о руководстве партией почти во всех странах является актуальнейшим вопросом. Буржуазия перебила часть коммунистических вождей, как, например, в Германии. А отчасти эти вожди еще не оформились. Не сложился, не оформился, не совершился этот естественный отбор. Рабочий класс еще не нащупал своих вождей. А старые вожди перебежали во 2-й и 2½ Интернационалы. Вопрос о руководстве является во французской коммунистической партии важнейшим практическим вопросом. С ходом событий, с развитием революции вожди выдвигаются из рабочих масс. В настоящее время этот процесс еще далеко не везде закончен.

И в частности, во французской партии этот кризис очень актуален. Достаточно сказать, что 8 месяцев тому назад левое крыло партии выдвинуло следующее предложение: нельзя иметь Ц. К., состоящий из 25 человек, собирающихся только один раз в неделю, а нужно создать постоянное ядро, президиум или бюро, которое постоянно бы руководило партией, и члены его не знали бы другой профессии, кроме как революционная работа. На этой почве возникли громадные прения, указывали, что это монархический принцип, что это будто бы противоречит демократизму и т. д. Достаточно привести другой пример—Сенской федерации. Сенская федерация—это Париж. Париж во Франции играет еще большую роль, чем у нас Москва и Петроград.

Париж—это все. Мы это знаем по истории Парижской Коммуны. Сенская федерация имеет гигантское значение для нашей партии и для вопроса об организации нашей партии. И с этой федерацией мы ведем дискуссию. Тов. Троцкий написал целый ряд писем и статей на эту тему. Иные прекрасные рабочие Сенской федерации стоят за организацию ее на федеративных началах. Они хотят иметь ЦК, состоящий чуть ли не из 100 человек, работающих по принципу федерации. Когда мы говорим, что этого нельзя, то некоторые из этих превосходных пролетариев говорят: однако, у вас Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Советская Республика, ведь это самое великое, что знает человечество. Не так ли,—говорят они. И раз ваша республика построена

на основе федерализма, почему же нашу Сенскую партийную федерацию не построить на основе федерализма? И нам приходится в порядке дружеской дискуссии вести с ними беседу, указывая, что тут большая разница: государство и партия. Имея за плечами славную историю Парижской Коммуны, являющейся нашей предвестницей, они, тем не менее, не разбираются в таких вещах, не обладают опытом, и им приходится раз'яснять такие основные вопросы.

Мы думали недавно, что французской партии придется пережить очень длительный кризис. Часть французской партии имеет тенденцию повернуть направо. Это пацифистские и полуанархические элементы. Они хотят создать единую оппозицию против Коминтерна.

За последние недели у нас намечается уверенность в том, что французской партии удастся, быть может, выбраться из кризиса без особых потрясений. После бесед, которые мы имели с целым рядом членов центрального комитета французской партии, мы на это крепко надеемся. У нас перебывало 9 членов ЦК и среди них наиболее выдающиеся руководители. Мы очень надеемся, что французской партии удастся быстро изжить те шероховатости и тот кризис, который там намечается. Во всяком случае на 4-м конгрессе мы впервые поставим вопрос о французской коммунистической партии.

В прошлом году во время конгресса Коминтерна французская партия была слишком слаба, и Коминтерн щадил это хрупкое создание. Французская партия была в принципиальном отношении еще слишком слабой, чтобы взять ее в переплет критики. Теперь мы говорим откровенно французским товарищам: вы выросли, вы заслужили право подвергнуться настоящей критике, пройти через критическое горнило международного коммунистического конгресса, как это было в прошлом году с более крепкими коммунистическими партиями. В этом отношении французской партии будет отведено важное место на 4-м конгрессе.

Мы знаем, что Франция является гигантской международной ареной, имеющей громадное политическое значение, и что она является настоящим гнездом международной контр-революции и главным пеклом международного империализма. Коммунистическая партия во Франции занимает одно из ответственнейших мест в международном коммунизме. Вот почему судьбы французской партии имеют громадное значение не только с точки зрения более узких интересов Коммунистического Интернационала, но и с точки зрения всеразвития мировой истории. Французская партия в этом смысле стоит на самом важном месте. Французская партия имеет влиятельные газеты, имеет в своей стране большинство рабочего класса,

но ей нехватает организационных навыков и принципиальной стойкости У французских товарищей есть искреннейшее желание итти по пути Коммунистического Интернационала. В этом отношении никакой параллели между ними и партией Серрати проводить не приходится. Но слишком тяжелые традиции остались им в наследие от французского парламентаризма Нигде во время империалистической войны красное знамя не было так унижено, как во Франции.

Вот почему нашему рабочему движению во Франции приходится выбираться на дорогу с большим трудом, но тем большая награда ждет Коммунистический Интернационал, когда ему удастся этот важнейший отряд выправить и поставить его на надлежащие рельсы. И в этом смысле задачи 4-го конгресса будут громадные.

Германия.

Германская коммунистическая партия, одна из крупнейших партий Коминтерна, вышла из кризиса. В течение 3-го конгресса она была главным об'ектом дискуссии. Она пережила самый острый кризис за это время; германская коммунистическая партия выгнала из своей среды группу сторонников Леви. Не больше года тому назад мы еще спорили: не оставить ли Леви в Коммунистическом Интернационале. И мы, русские коммунисты, имели по этому поводу различные мнения А теперь Леви принадлежит к независимой партии, более того: он является застрельщиком той группы независимых, которая предлагает открытый блок с Шейдеманом. Вот, как быстро развиваются события. Германская коммунистическая партия выбросила из своей среды все больные, полуреформистские элементы. Она за год пережила целый ряд, целую массу крупнейших событий, массовых стачек и рабочих демонстраций, пролития крови и т. д. Германская партия находится теперь на лучшем пути к преуспеянию. Вы в общем следите за новыми развивающимися германскими событиями, вероятно более, чем за какими-либо другими; поэтому я позволил себе не останавливаться на подробностях. Сейчас, когда независимые сливаются с шейдемановцами, нам на первый взгляд казалось, что это сразу громадный плюс. Ведь, всем казалось бы ясно, что независимые предали интересы революции. Но игра событий такова, что для начала это дало некоторый плюс второму и двухсполовинному Интернационалам. Они пытаются представить рабочим дело так, что теперь будет единство—одна партия, что теперь мы-де нажмем на буржуазию и т. д. Но, конечно, пройдет максимум полгода и все рабочие, которых эта об'единительная комедия чуть-чуть увлекла, увидят, что независи-

мые продали целиком душу Шейдеману и пошли таким образом за буржуазией. Тем не менее коммунистическая партия в Германии растет изо дня в день. Она имеет громадные реальные победы в профсоюзах (цифры вам известны из газет). Она близка в целом ряде германских союзов к тому, чтобы стать половиной и в целом ряде крупнейших союзов она имеет уже серьезное меньшинство. Мы думаем, что в ближайшее время германской коммунистической партии придется выдвинуть лозунг: «1 миллион членов партии». Некоторые товарищи из коммунистической партии Германии, с которыми мы говорили это, считают, что такой лозунг был бы неверен, что им не нужно вовсе столько членов. Они говорят: перед революцией у вас в России было ведь всего 250.000 членов, а то и меньше, зачем же нам в Германии один милл.—триста тысяч и то хорошо.

Это, по-моему, неправильное рассуждение. Конечно, простого наплыва неподготовленных элементов нам не нужно. Но в Германии этого и не может быть. Там не так-то легко получить миллион или даже полмиллиона рабочих в партию. Там каждый рабочий двадцать раз подумает, прежде чем итти в ту или другую партию. Если бы дело шло о том, что под влиянием каких-либо событий начался массовый наплыв незрелых элементов в партию, нам этого не нужно,—под влиянием чувства, мы выступили бы против этого. Но там этого быть не может, там не из того теста люди сделаны, там бешеная, упорнейшая борьба крупнейших организационных механизмов. Там шейдемановцы об'единяются с независимыми и переходят фактически в лагерь монархистов. Там будет для начала, может быть, медленный, но совершенно сознательный, продуманный и серьезный переход рабочих в наши ряды. Там будет настоящая борьба одной организованной машины—социал-демократическ.—с другой машиной—коммунистической.

Да, у нас в России к началу революции было действительно только 200.000 членов, но у нас не было социал-демократии с 1 мил. членов.

У нас не было профсоюзов с 8-мью миллионами, находящимися в руках меньшевиков. Рабочий класс у нас был за революцию. Мы были его застрельщиками, были его мозгом. В Германии этого не может быть. Вот почему там 300 тысяч членов весят меньше, чем у нас 200 тысяч или 100 тысяч до революции. Вот почему там необходимо использовать разрыхленную почву для того, чтобы привлечь в свои ряды новые сотни членов. И германской партии это удастся. За год, прошедший со времени 3-го конгресса, наибольшего успеха добилась германская коммунистическая партия. Во время 3-го конгресса после матросского восстания, которое было потоплено в крови наших товарищей,

рабочее движение там переживало депрессию. И наша партия также переживала кризис. Сейчас партия там тверда, как скала, и все симпатии рабочих, пробуждающихся от социал-демократического пленения, направлены на германскую коммунистическую партию. Вот почему этот лозунг—„1 мил. членов"—не является утопией и к пятому с'езду конференции будут близки к той цифре, которую я называю.

Таким образом, из крупных партий итальянская, французская, германская заслужат особенное внимание 4-го конгресса. Вот как рисуется нам 4-й конгресс. Никто не может, конечно, предсказать детали, но в общем картина такова.

Кризис $2^1/_2$ Интернационала.

Я остановлюсь еще на одном. Двухсполовинный Интернационал переживает кризис, который его уничтожит. И вот почему. Возьмите две страны: Германию и Италию. И на этом примере вы увидите суть дела. В Германии происходит об'единение независимых, т.-е. $2^1/_2$ Интернационала с шейдемановцами, т.-е. со 2-м Интернационалом—для того, чтобы образовать коалиционное буржуазное правительство, куда хотят войти независимые. В Италии Серрати и его друзья, которые стояли одной ногой в $2^1/_2$ Интернационале, идут в другую сторону. Там из-за этого вопроса раскол между серратистами и реформистами. Серратисты не хотят итти в коалицион. бурж. правит. Это означает раскол и распад $2^1/_2$ Интернационала. Нам было ясно, что $2^1/_2$ Интернационал не имеет серьезных корней. Он может просуществовать год, два, пять лет, может быть, но он не имеет серьезной базы. Это болото. Повторяю. В Италии элементы $2^1/_2$ Интернационала как бы вновь поворачиваются к нам, не хотят итти в коалиционное правительство. В Германии—как раз наоборот, здесь происходит уничтожение главной партии $2^1/_2$ Интернационала. Из-за чего? Из-за того, что они хотят итти в коалиционное правительство с буржуазией Вы видите, что они без царя в голове, без направления, что, пытаясь занять средину, они обречены на историческую гибель. И час гибели $2^1/_2$ Интернационала бьет.

2-й Интернационал.

Главная борьба пойдет против 2-го Интернационала. 2-й Интернационал еще силен. Он—отражение буржуазии. Мы это видим на процессе эсеров более, чем наглядно. Когда произойдет об'единение $2^1/_2$ и 2-го Интернационалов, тогда наступит особенно упорная наша схватка

со 2-м Интернационалом. К этой борьбе мы в ближайшие годы и должны готовиться.

Силы растут.

В общем и целом Коммунистический Интернационал сделал громадные успехи. Он не совершил еще международной революции, в этом он „виноват" перед вами, в этом он еще неоплатный должник. Но подготовительная организационная работа за эти годы в Германии, во Франции, Италии, Чехо-Словакии, во всей Европе проделана громадная. В Америки в профессиональных союзах сложилось левое крыло. Его силы растут.

4-й С'езд Коминтерна под'итожит эту работу нашей партии и наша партия будет счастлива оказать еще раз гостеприимство коммунистическим партиям всего мира и помочь им своим опытом

Об улучшении материального положения членов Р. К. П.

Учитывая чрезвычайно тяжелое материальное положение рядовых членов партии в условиях новой экономической политики и необходимость оказания со стороны партии помощи отдельным ее членам в исключительных случаях, конференция, тем не менее, предостерегает всех членов партии от иллюзий о возможности улучшения материального положения всей партийной массы за счет рессурсов партии. Партия не может и не в состоянии взять на себя тех функций по обеспечению, которые в рабоче-крестьянском государстве должны выполняться либо государственными органами, либо профессиональными организациями. В то же время она не должна создавать таких условий по отношению ко всей остальной рабочей массе, которые дали бы повод думать, что тяга в нашу партию диктуется стремлением со стороны отдельных элементов рабочего класса улучшить свое материальное положение.

Но, тем не менее, конференция обращает внимание ЦК на необходимость разработать в ближайшее время положение о фонде взаимопомощи среди коммунистов.

I. Такой фонд должен быть в центре, областях и губерниях образован, во-первых, из 3-процентных отчислений из сметных ассигнований парторганизациям, 2) из 50 проц. суммы всех членских взносов, 3) из отчислений, образуемых со сверхставок, 4) специального обложения членов партии.

II. Конференция считает, что категория членов партии, которым может быть оказана помощь из этого фонда, должна быть ограничена и обнимать: а) товарищей, впавших в острую нужду (больных, подвергавшихся частым переброскам и мобилизациям и т. п.); б) семьям погибших в гражданской войне и на партийном посту товарищей.

III. Конференция признает необходимым создание при губкомах специально назначаемых губкомом комиссий по оказанию помощи нуждающимся членам партии. С разрешения губкома соответствующие комиссии могут быть организованы при укомах и райкомах.

IV. В целях устранения ошибочного подхода к задачам по оказанию помощи коммунистам со стороны местных организаций, конференция считает недопустимым организацию парткомами хозяйственных предприятий, преследующих цели получения прибыли.

Итоги профессиональной работы.

Доклад т. Томского.

Товарищи, к сожалению, полного отчета за истекший период работы союзов в новых условиях дать весьма трудно. Имеющийся у нас цифровой материал оканчивается либо в мае, либо июне месяцах, захватывая, таким образом, одну треть года. Но и те данные, которые имеются в нашем распоряжении, уже дают достаточный материал для того, чтобы судить о том, как в практической жизни претворилась первая резолюция ЦК, затем—резолюция пленума ВЦСПС и резолюция и постановление XI с'езда партии о работе профсоюзов.

Добровольное членство.

Несомненно, наиболее спорным вопросом в новом курсе профсоюзов был вопрос о, так-называемом, добровольном членстве. Этот вопрос нами выдвигался и понимался, главным образом, как метод оживления союзной работы, привлечения масс к союзам, оживления связи масс с профсоюзами. Спор, происходивший перед этим, вращался в области того, коллективное должно быть членство или индивидуальное. В настоящее время можно твердо сказать, что большинство рабочих высказывается за коллективное членство. Какие результаты дала кампания добровольного членства? Эти результаты мы видим из следующих цифр: процент членов, вошедших в союзы: Петроград—98 проц., Баку—98, Тула—97, Запорожье—96, Нижний—100, Саратов—100, Тюмень—97, Киев—100, Орел—96, Псков—92, Тверь—94 и 6 губ. юго-востока—98. Взяты были для сводки самые разнообразные губ. России.

Как проходила кампания? Для характеристики вовлечения в эту кампанию масс указывают, хотя бы, московские цифры. За один месяц в Москве состоялось учтенных собраний—477 с 99.839 участниками. В Нижнем в этот же месячный период состоялось 150 собраний. Были ли случаи отказов рабочих от добровольного членства? Отказ мы видели только среди кооперативных служащих. Но там этот отказ имел определенный меньшевистский политический характер.

Если мы посмотрим результат кампаний по союзам, а не по местностям, то мы увидим, что наибольший процент, почти полностью 100

проц., дает союз текстильщиков. Далее идут все остальные союзы, показывающие среднюю цифру—95—96 проц. вхождения в союз.

Что говорят наши враги по поводу кампании о добровольном членстве и по поводу полученных результатов?

Теперь меньшевики и эсеры не могут отрицать, что 95 проц. рабочих и служащих голосовали за добровольное вхождение в профсоюзы, которые они перед всем миром квалифицировали, как казенные бюрократические учреждения и канцелярии. Отрицать этого нельзя. Факты слишком ярко говорят за себя. Поэтому они пускают в ход новое оправдание или новое об'яснение этого факта. Они говорят, что это указывает на то, что вы привыкли действовать «стадными» методами, что рабочие в России не привыкли рассуждать и поэтому голосуют, как «стадо», за все, что им ни предложат. На самом деле рабочие не относились так пассивно к этому вопросу. Были предприятия, где этот вопрос приходилось ставить два раза; после первого доклада рабочие крупнейших предприятий заявили: дайте нам подумать, давайте поставим на другом собрании этот вопрос, и пусть союз сделает детальный отчет о своей работе. И лишь на втором собрании, после детального доклада от профсоюза, рабочие входили в данный профсоюз. Вывод из этого вопроса следующий: за пять лет революции и за 5 лет руководства коммунистической партии профессиональным движением, несмотря на тяжесть условий, русские профсоюзы сделали очень много. Самая главная и самая большая работа, которую они сделали, это та, что они приучили рабочий класс к организации, приучили русских рабочих не только понимать значение союзов, но и понимать, почему в тот ли другой момент профсоюзы в военной обстановке принимали те жестокие меры, которые они должны были принимать в силу этих военных обстоятельств. Несмотря на то, что профсоюзы мобилизовали своих членов на фронт, несмотря на то, что порой проводили трудовую дисциплину, русский рабочий понял классовое значение этих мер и научился не только ценить, но и понимать организацию.

Финансовый вопрос.

Если мы посмотрим сейчас на состояние профсоюзов, то мы увидим, что самым больным вопросом в профессиональном движении и в повседневной практике профсоюзов является, как ни странно, тот вопрос, который до сих пор стоял очень далеко на задворках и меньше всего волновал профсоюзы—это вопрос о финансах.

Мы теперь прямо, что называется, перевели профсоюзы на „хозяйственный расчет“, т.-е. систему субсидий мы прекратили. Каждый ЦК и Губпрофсовет заставили жить на свои средства, т.-е. на те членские взносы, которые они должны суметь собрать со всех членов. В связи с этим было несколько тяжелых моментов в финансовой жизни профсоюзов.

Но большинство крупнейших организаций приучились жить на членские взносы, а главное дело взимать эти членские взносы, ибо в конце концов для нас играло роль не то, что союзы привыкнуть жить на членские взносы, а то, чтобы союзы научились взимать членские взносы и научили рабочих правильно платить членские взносы. Эта система имела тот плюс, что она заставила профсоюзы, в погоне за членскими взносами, ближе подходить к рабочим, чаще отчитываться перед ними, вводить в курс дела не только финансовой политики, но и всей политики профсоюзов.

Фонды.

Хуже и слабее стоит вопрос с фондами.

Я не стану останавливаться на значении фондов. Для каждого понятно, какое значение имеет фонд взаимопомощи при союзах. Достаточно указать, что из более скромных членских взносов западно-европейские профсоюзы имеют фонд взаимопомощи, фонд безработных, фонд дорожных пособий. Союзы во всякую тяжелую минуту обслуживают своих членов, оказывают материальную помощь. Наш лозунг создания специальных фондов был весьма слабо подхвачен местами по вполне понятным причинам, в виду того, что союзы и так практически в организационной работе, в силу финансового кризиса, едва сводили концы с концами Если представить себе, что членские взносы при той задолженности, которая образовалась у рабочих за предприятиями и которая в значительной степени обеспечивалась в момент получения, являлись немаловажным фактором тяжелого финансового положения союзов, то создание фондов встретило непреодолимое препятствие.

По поводу создания фонда культурной работы союзы вошли с кооперацией в сношение и в настоящий момент приступают к созданию его.

Затем стачечный фонд, который мы санкционировали и разрешили создавать и по которому, к сожалению, приходится выслушивать про-

тесты. Мне пришлось встретить несколько товарищей, которые с ужасом говорят, что в том или ином месте создается стачечный фонд, который провоцирует рабочих на стачку. Эти товарищи забыли резолюцию ЦК и постановление 10-го с'езда, которое как раз упоминало о необходимости создания специальных фондов, вплоть до стачечного фонда.

Организационная работа.

Новый курс диктовал новые методы организационной работы. Система разрешения конфликтов, вся новая задача профсоюзов, заключающаяся в том, что союзы встают на путь защиты экономических интересов рабочих, все это толкало к новым методам работы профсоюзов. И здесь одним из благоприятных факторов явился финансовый кризис, который переживали профсоюзы. Этот кризис заставил профсоюзы по всей линии сократить технический персонал Цифра сокращения приблизительно колеблется между 60—75 проц. и в то же время заставила этот аппарат ближе подойти к рабочим массам путем введения вечерних работ, которые имеются теперь уже в целом ряде городов.

В большинстве случаев это дело дало блестящие результаты, так как рабочие после работы могли пойти в союз по делам. Параллельно с сокращением штатов происходит упрощение аппаратов; вместо разных под'отделов, отделов, бюро аппарат упрощается, зато остро ощущается недостаток ответственных руководителей. Организационный принцип строения союзов на новых условиях был провозглашен нами на пленуме ВЦСПС принятой единогласно резолюцией о том, что профсоюзам сверху до низу должна быть предоставлена некоторая большая автономия и самодеятельность. Чем определялся такой «либеральный» курс в организационном вопросе и не кажется ли он несколько новым для нас, проводников концентрации и строгой централизации? На этом вопросе я позволю себе остановиться, потому что некоторые т.т. профессионалисты до сих пор не могут понять, чем продиктован этот курс, не могут понять тех предпосылок, которые предшествуют введению этого нового курса, этой некоторой автономии.

Своеобразность настоящего периода профессионального движения заключается в том, что непохоже на старое профессиональное движение, т. е. на профессиональное движение, протекающее в обстановке капиталистического общества и также непохоже на профессиональное движение предшествующего периода, где профессиональное движение протекало в обстановке напряженнейшей гражданской войны и тогда, когда госу-

дарство владело всеми орудиями производства, централизованной профессиональной промышленностью, находящейся в руках государства. Своеобразность этого периода происходит оттого, что он протекает при наличии товарного рынка, при наличии частного производства, с одной стороны, государственной промышленности в чистом ее виде, с другой стороны, государственной промышленности, переведенной на государственный расчет, с третьей. Таким образом, если мы подойдем к определению, в какой степени изменились виды союзов, это определяется в значительной степени различно по отношению к различным профессиональным союзам. Для союза пищевиков, например, в котором значительный процент рабочих является рабочими частновладельческих предприятий, имеется одна тактика, требующая одних форм организационных, одного подхода при разрешении конфликтов. В союзе металлистов—другая и т. д.

Что было бы в пролетарском государстве при диктатуре пролетариата, если бы почта и телеграф, и железные дороги об'явили забастовку? Это было бы крушением диктатуры пролетариата. Отсюда различие методов работы профсоюзов в зависимости от того, как и в какой степени НЭП действует на тот или другой союз, каково отношение к рынку, какую роль занимает в пролетарском государстве этот союз. Отсюда уже необходимость своеобразности организационных форм в зависимости от кон'юнктуры.

Коллективный договор.

Несмотря на то, что коллективный договор в Советской России завоевал себе право гражданства, что большинство предприятий и союзов перешло на систему коллективного договора, нам все еще приходится слышать старую песню о тех хозяйственниках, которые «не знают, как они будут жить через месяц», и т. д. Такие хозяйственники, конечно, коллективного договора боятся, как огня, потому что с какой стати они будут подписывать то, что они не в состоянии выполнить, ибо они не знают, как у них пойдет работа дальше, и что они будут делать дальше. Тут же параллельно мы видим увлечение со стороны профсоюзов в сторону обязательности заключения коллективных договоров. Давайте разберемся, правильно ли это или неправильно, так как этот вопрос до сих пор вызывает много споров. Государственный кодекс закона о труде говорит, что все коллективные договоры, ухудшающие условия труда, недействительны. Большинство заключаемых коллективных договоров есть лишь популярное изложение кодекса о труде. Договор не дает правовых норм больше того, что дает кодекс о труде. Значит остается только

вторая часть—ставки. Государство публикует заработную плату, государственно-обязательную для государственных предприятий, в форме шестого и первого разряда. Государство в значительной степени определяет максимум заработной платы для всех разрядов.

Недавно принятый ВЦИК кодекс о наказаниях гласит, кажется, если память мне не изменяет, в 31 статье, что за нарушение коллективного договора полагается тюремное заключение—ни больше, ни меньше, как тюремное заключение. И после этого приходят товарищи и говорят: всякий, кто имеет предприятие, обязан подписать коллективный договор. Упускают основное и важное, что такое коллективный договор? Из каких элементов состоит коллективный договор? Он состоит из следующих элементов—правовая норма, срок договора и размер ставки. И когда вы придете ко мне, хозяйственнику, или к частному предпринимателю и представите государственное постановление, что нужно подписать коллективный договор. Пожалуйста. Ваш договор на срок? Пусть, с государственной оговоркой не менее трех месяцев, согласен. Ставки? По государственно опубликованному минимуму? Пожалуйста. Эти нормы я обязан выполнить. А дальше вы можете меня каким-нибудь государственным постановлением обязать? Уже нет. Это является, значит, только самоутешением и болтовней, за которую грозит тюремное заключение при несоблюдении коллективного договора. Государственная обязательность коллективного договора для государственной промышленности допустима, но допустима ли она на частном предприятии? Спасает ли она от конфликтов?

Большое упущение существует со стороны профсоюзов, что до сих пор коллективный договор заключается, разрабатывается, пишется и подписывается без масс, без рабочих; это чревато большими событиями и последствиями, ибо если хозяйственник или предприниматель гарантирует, что он своевременно в таком-то размере дает государственную плату, то союз, со своей стороны, всем авторитетом, честью профессиональною обязан гарантировать, что на таких-то именно условиях рабочие будут выполнять соответствующие правила внутреннего распорядка и т. д. К сожалению, мы видим только единичные факты перенесения коллективного договора на широкие собрания, обсуждения его пункт за пунктом вместе с массой, при участии масс...

Конфликты.

Перейдем к вопросу о конфликтах, который является особенно злободневным вопросом, ибо о конфликтах и об опасности стачек, как я уже говорил, кричат наиболее неудачные из хозяйственников.

Цифры конфликтов свидетельствуют о том тяжелом положении заработной платы, какое есть в крупной и даже крупнейшей, по российскому масштабу, промышленности. На основании этих цифр мы видим, что большинство конфликтов разрешалось абсолютно мирным путем в пользу рабочих. Мы видим, что главным образом стачки происходили в крупной промышленности, на почве несвоевременной выдачи заработной платы, и что требования рабочих, большинство из которых поддерживаются профсоюзами, были справедливыми, что предварительные и другие инстанции решали в их пользу.

Вредные уклоны.

Товарищи, не желая задерживать вашего времени иными деталями и остановлюсь только на двух следующих небольших вопросах. Я уже указал, что в практической работе профсоюзов мы наблюдали целый ряд уклонов в ту или другую сторону, которые естественны и неизбежны при той колоссальной ломке, когда все российское профессиональное движение поворачивается довольно круто. При такой работе неизбежны всякие уклоны и ошибки, которые, вероятно, будут и в ближайшем полугодии, и которые мы, конечно, исправим. Но при этом нужно учесть более серьезный уклон, который наблюдается не только в профессиональном движении, но и в рабочем движении вообще. Я уже этого один раз коснулся и думаю, что на этом еще придется остановиться подробнее,—на действии НЭП'А, на его влиянии на рабочий класс. И здесь, когда мы посмотрим на рабочее движение вообще, на профессиональное движение и на смежные ему рабочие организации, мы видим, что за последнее время появляются более крупные, более значительные уклоны. Мы видим, что некоторые товарищи не понимают что НЭП есть отступление, но не сдача позиций Этого не могут понять и поэтому подходят к государству и к определению форм рабочих организаций с такой точки зрения, как будто они живут в буржуазном государстве, в чисто капиталистическом обществе. Мы видим, как среди наших коммунистов - кооператоров зарождаются идеи о рабочих кооперативах, как о чем-то самодовлеющем, независимом от общей кооперации.

Если подойдем к сущности этой идеи, то не приходится долго доказывать, кто их бы был „папой и мамой“. Конечно, „папой и мамой“ были только меньшевики и эсеры, и только недоверие и непонимание сущности рабочего государства. Если посмотрим на страховиков, которые витают вокруг создания страховых касс, которые говорят, что рас-

сматривают страховую работу, как особую рабочую организацию, независимую от государства, самостоятельную организацию вроде профсоюзов, если посмотрим на пролеткульты, где договариваются до того, что они есть особая культурная форма рабочего движения, то увидим, что существуют уклоны, в которые впадают многие из профессионалистов. Многие не понимают, что из этого вытекает, и к чему ведет. Это ведет к дроблению рабочего движения на целый ряд перегородок, это ведет к разложению. Удобно ли это и допустимо? Дробить рабочее движение на перегородки, это не понимать того, что представляет рабоче-крестьянское государство. С этими уклонами партия должна об'явить жестокую борьбу и она должна ее вести путем усиления союзов.

Состав профсоюзов.

Я позволю себе в заключение огласить только несколько цифр о составе профсоюзов, которые мы обследовали, согласно постановления XI с'езда партии.

С XI с'езда партии нами кое-что сделано в отношении головки профсоюзов, но этого недостаточно, это не удовлетворяет нас. До XI с'езда РКП социальное положение председателей и секретарей профессиональных организаций было следующее: 59 проц. рабочих. В момент обследования на июнь месяц было—64 проц. Следовательно, в этом отношении положение улучшилось. Партийный состав: до XI с'езда было 94 проц. коммунистов, а после XI с'езда 96 проц. В верхушках в руководящих слоях профессионального движения, мы видим в партийном отношении значительное улучшение. Если же мы посмотрим на низы профессионального движения, то увидим, что даже в таких индустриальных городах, как Петроград—передовой пункт, там на низах состав работников месткомов и фабричных комитетов таков: 21 проц. коммунистов. Если взять также лучший из пролетарских городов России—Иваново-Вознесенск, то мы увидим, что в райкомах и фабрично-заводских комитетах 23 проц. коммунистов. Обследование в других городах говорит, что мы имеем в низших организациях от 19 до 21 проц. коммунистов. Вы видите, что нужно обратить внимание не только на верхи, но подтянуть и низы. Нам не откуда брать резерв. Внизу мало коммунистов, а резервы необходимы.

Профсоюзы—школы коммунизма.

Та задача, которая стоит перед профсоюзами на ближайший период, колоссальная задача, практическая и политическая, это то, что

профсоюзы были и должны остаться школами коммунизма. Для этого нужно обратить внимание на перевыборы фабричных комитетов, на месткомы и нужно посмотреть на индустриальные союзы. У нас, коммунистов, существует колоссальный предрассудок. Когда коммуниста партия делегирует на профессиональную работу, то он заявляет: если в индустриальный союз, то я согласен, а если не в индустриальный —я не пойду К горнякам я пойду, а к советским служащим не пойду. Как будто в этих союзах коммунисты являются отбросами, как-будто партия не заинтересована в сохранении своего влияния среди рабочих и служащих.

Работы—непочатый край.

В заключение я скажу, что профсоюзами проделана работа большая. Этой работой мы вполне удовлетворены, но все-таки нужно сказать, что работы непочатый край.

Партия должна в большей степени укрепить своими силами низовые организации в центре и в провинции. Без этого работа успешно пойти не может. Укрепляя низовые организации коммунистами, мы можем сказать, что никакие уклоны нам не будут страшны.

Работа партии в кооперации.

Доклад тов. Куйбышева.

Тяга к кооперированию.

Империалистическая война, разорившая массы населения всего мира, вызвала естественную тягу у разоренных классов, т.-е. прежде всего, у мелких товаропроизводителей, крестьян, ремесленников и кустарей—тягу к кооперированию.

Кооперация при государственном капитализме.

Мне хочется здесь доказать ту мысль, что тот переходный период, который мы переживаем, через который проходит сейчас Советское государство, период, так называемого, государственного капитализма при наличии пролетарской диктатуры, он является наиболее благоприятным для максимального развития этой кооперации. Если мы возьмем потребительскую кооперацию при чисто капиталистическом строе, то все кооператоры знают и все занимающиеся этим вопросом подтвердят, что *потребительская кооперация при условиях чистого капитализма имеет совершенно определенные пределы своего развития, дальше которых она пойти не может.* Потребительская кооперация имеет источником накопления своих материальных кооперативных ресурсов лишь меньшую часть общественных доходов, ибо источником кооперативных доходов, накопления материальных ценностей для кооперации является, так называемый, переменный капитал, т.-е. заработная плата, прибыль. Но основной капитал, составляющий основную часть государства, он в значительной своей части не может пополнять доходов и не может служить для материального обогащения кооперации. Поэтому этот экономический предел не может служить для потребительской кооперации сколько-нибудь существенным фактором, фактором под'ема материального благополучия тех классов, которые тяготеют к кооперации.

Совершенно другое положение мы видим теперь при государственном капитализме. Там, при капитализме, ставят основною целью борьбу с торговым капиталом, с его эксплоатацией потребителей, кооперация

не встречает особенной поддержки со стороны правящей буржуазии. У нас положение резко меняется, и *защита интересов потребителей России, крестьян и рабочих, становится непосредственной задачей пролетарского государства.* Это—с одной стороны. С другой стороны, *пролетарское государство смотрит на кооперацию не только как на организацию, удовлетворяющую интересы потребителя и защищающую его от эксплоатации торгового капитала, а и как на основное орудие товарооборота.* Мы уничтожали буржуазию, мы уничтожили крупный торговый капитал, который осуществлял функции кровообращения в хозяйстве страны. Совершенно естественно, что кооперация для нас является основным аппаратом товарооборота, и не напрасно майская конференция РКП в 21-м году зафиксировала своей резолюцией—считать кооперацию основным аппаратом для проведения товарообмена. Отсюда следуют государственные задания, фонды, которые выделяет государство кооперации, кредиты, которые оказывает государство потребительской кооперации, и т. д.

Все это ставит потребительскую кооперацию у нас в эпоху государственного капитализма в совершенно иные условия, чем это было в капиталистических странах. Те восторги, которые высказали представители иностранной кооперации, не следует относить за счет способностей руководителей нашей потребительской кооперации, а именно за счет тех благоприятных условий, в которых находится кооперация для своего максимального развития. То же можно сказать и относительно других коопераций.

Политическое значение кооперации.

Все виды кооперации в наших условиях представляют огромное значение для государства и народного хозяйства. *Но благодаря этому огромному экономическому значению кооперации велико и политическое значение кооперации, как той арены, где сейчас происходит, главным образом, и по преимуществу, соприкосновение крестьян и рабочего класса.* Ведь, не даром на кооперацию обращают такое большое внимание враждебные нам партии, недаром все ячейки кооперации, оставшись без контроля или без достаточного влияния государства или коммунистической партии, немедленно заполняются представителями мелко-буржуазных партий с враждебной нам идеологией.

Этот процесс не только является результатом того, что мелкобуржуазные производители выделяют мелко-буржуазные партии, это не

только химический закон, о котором говорил тов. Ленин в одной из своих речей, но *здесь есть прямая цель со стороны политических партий овладеть этой кооперацией, как способом влияния на широкие массы крестьянства и рабочих, влиять через организацию, удовлетворяющую непосредственные каждодневные нужды этих классов.* Это значительно более легкий способ проникновения любой политической партии. Многие думают, что этот вопрос не так важен, что это мелкое политиканство, интриганство. как они говорят, и т. д. Это глубокая ошибка. Это есть настоящая деловая политика. Это есть стремление политически враждебных к нам партий направить свои усилия, свое влияние в то место, где *они могут соприкоснуться с классом мелкой буржуазии, опереться на нее, противопоставлять нам не отдельные мелкие группки политических партий, разбитых Октябрьской революцией, а класс, организованный под руководством этих элементов мелко-буржуазной идеологии.* Недаром кооперация стала орудием этой политической борьбы. Этого не нужно забывать. И мы должны подойти к кооперации не только с точки зрения экономического значения для нас, а с точки зрения определенного политического значения. Кооперацию мы должны рассматривать, как широкую арену классовой борьбы, где нужно проводить свою политику.

Разделение или единство?

Мы знаем, что должна быть *гегемония пролетариата над крестьянством, предводительство рабочим классом крестьянства, не разделение и не смешение, а руководство.* Всякий, кто знает историю большевизма, знает, что формула—гегемония пролетариата над крестьянством являлась основной политической формулой, и победа большевизма в октябре, и после октября, и затем в период, когда мы отстаивали государство от нападения многочисленных врагов, победа большевизма и заключалась в том, что он умел эту формулу применить в жизнь. Все острые периоды нашей борьбы знаменовались не чем иным, как правильным подходом со стороны коммунистической партии к этой основной задаче русской революции. Некоторые товарищи говорят о разделении потребительской кооперации, являющейся наиболее широкой ареной для осуществления этой смычки между крестьянством и пролетариатом, наиболее широкой ареной для осуществления гегемонии над крестьянством. Товарищи говорят, что необходимо выделить рабочую кооперацию, сделать потребительскую кооперацию не единой, обязательной для каждого рабочего и крестьянина, а

кооперацией, разделенной по классовому признаку: рабочая кооперация—с одной стороны и обще-гражданская, по преимуществу крестьянская—с другой. Эти товарищи по существу уклоняются от от правильного решения политической проблемы, от политического боя, который происходит на арене этой кооперации. Они своей позицией неизбежно ведут к тому, что рабочий класс на этой арене будет изолирован, разбит, подавлен. Это отделение ведет к тому, что рабочая кооперация логикой своего аппарата, в самой работе будет все больше удаляться от обще гражданской. На почве этого отделения возможно развитие меньшевистских, синдикалистских, тредюнионистских и других течений, которые будут овладевать рабочим классом. Нас от партии меньшевиков и эссеров как раз и отделяет этот разный подход к политической проблеме взаимоотношения между рабочим классом и крестьянством, что повело меньшевиков и эсеров сначала к оппортунизму, а потом поставило их по ту сторону баррикад и сделало их, в концеконцов, одним из отрядов международного империализма.

Каково же должно быть разрешение этой основной задачи в России? Как же должен быть решен вопрос относительно потребительской кооперации? То обстоятельство, что в потребительской кооперации об'единены и рабочие, и крестьяне, и что в потребительской кооперации рабочие заинтересованы непосредственно, обеспечивает, с одной стороны, активность пролетариям и тем самым обеспечивает их влияние на потребительскую кооперацию в целом. В силу этих условий потребительская кооперация делается силой вещей самой широкой ареной для осуществления наших политических задач. Мы должны сделать потребительскую кооперацию обязательной, включив в нее всех рабочих и крестьян, должны добиться, чтобы эта потребительская кооперация была единой, чтобы пролетариат и его организации изнутри этой кооперации завоевали себе влияние на нее, и чтобы пролетариат добился через свои классовые организации влияния на потребительскую кооперацию в целом. Этот спор имел место в Центральном Комитете неоднократно, и последнее решение было связано со с'ездом уполномоченных Центросоюза, фракция которого двумя третями голосов приняла точку зрения Центрального Комитета. Политбюро, вторично рассмотрев этот вопрос, еще раз признало правильность позиции, принятой до сих пор, и заявило о политической вредности тех течений, которые имеются у представителей рабочей кооперации.

Я думаю, что задачей нашей конференции является подтвердить решение нашего ЦК, подтвердить и признание ошибочности тех тенденций, которые имеются у целого ряда товарищей, предупредить все местные

организации, что эти ошибки не являются лишь организационным разногласием внутри строительства потребительской организации, а что эти ошибки выходят далеко за пределы организационных интересов кооперации, они становятся политическими ошибками, могущими принести нам неисчислимый вред, ибо неправильное решение основной проблемы приведет само собою к неисчислимому вреду для нашей политработы.

С.-х. кооперация.

Дальше, т.т., я хочу подчеркнуть значение для нас с.-х. кооперации. Экономически перед нами нет более важной задачи в настоящий момент, как под'ем с. х. в стране. Это мне кажется бесспорным, и я не хочу ни одной минуты потратить для доказательства этого. При бедности наших рессурсов, при отсутствии возможности со стороны государства притти на помощь с. хозяйству сколько-нибудь существенно и реально, совершенно естественный способ соединения трудовых сил этих мелких товаропроизводителей является почти единственным средством для под'ема их хозяйства. Только соединивши свои силы, только соединив средства, имеющиеся в их распоряжении, они имеют возможность улучшить свое хозяйство в целом ряде областей. Мелиоративные т-ва, которым должен быть оказан государственный кредит, но которые должны привлечь и средства крестьян, заинтересованных в этом земельном улучшении, машинные т-ва, которые с помощью соединения своих средств дают возможность приобретения машин и орудий производства,— эта задача, которая недостижима для отдельного производителя, работающего в одиночку Все эти способы улучшения крестьянского хозяйства возможны только при развитии с.-хозяйственной кооперации, и поэтому с.-х. кооперация должна быть в центре нашего внимания.

Кроме того, с.-х. кооперация имеет и огромное политическое значение. Под'ем хозяйства крестьянина, установление устойчивости каждого отдельного индивидуального хозяйства, разрушенного и разоренного войной, является основной задачей каждого крестьянина, поскольку на этой почве привлечение его к Советской власти, определенная политическая работа на этой почве, является дающей наибольшие плоды, наибольшие результаты. С.-х. кооперация является одним из важнейших видов всякой общественной работы в деревне, ибо она втягивает в себя огромные массы крестьян. Она в интересах этих крестьян, и на почве этих интересов вести общественную и политическую работу мы обязаны, и это необходимо. Поэтому конференция должна подчеркнуть все значение с.-х. кооперации и необходимо сосредоточить внимание нашей партии и принципиально и организационно на вопросе с.-х. кооперации. Мы должны

посвящать этому вопросу больше внимания, чем это было до сих пор, мы должны давать большее количество сил с.-х кооперации.

Промысловая кооперация.

Относительно промысловой кооперации я скажу два слова. Здесь дело обстоит более благополучно, чем с с.-х. кооперацией, где наше влияние еще крайне незначительно.

В промысловой кооперации дело обстоит значительно благополучнее. Нам удалось на последнем промысловом с'езде одержать победу и завоевать значительное количество мест в правлении центральной промысловой кооперации. Целый ряд союзов промысловой кооперации находится уже в наших руках, и под влиянием рабочей кооперации находится уже очень много иных организаций. Но влияние это еще не совсем сильно. Из того значения, которое имеет промысловая кооперация, как добавочный источник получения продуктов для нашего народного хозяйства, вы видите, что эта работа по промысловой кооперации должна быть еще энергичнее, и мы должны на это дело обратить внимание. Мы должны добиваться того, чтобы промысловая кооперация не была одной из баз враждебных нам сил.

Принудительный интеграл или добровольное об'единение.

Сельско-хозяйственная кооперация, в отличие от потребительской, должна быть организована на добровольных началах, на принципах добровольного членства. Ибо тут мы имеем дело с массой индивидуальных хозяйств, отличающихся одно от другого различными оттенками. Из них каждое не похоже на другое. Каждое в отдельности имеет свои собственные обособленные интересы. И тут огульное об'единение всего крестьянства в единый с.-хоз. кооператив, общий интеграл по об'единению сельско-хозяйственной и промысловой кооперации, он был бы не чем иным, как только уничтожением этой самодеятельности, которая является основой с.-хоз. и промысл. кооперации. Я должен обратить ваше внимание на то, что это совершенно правильное решение вопроса, закрепленное нашим законодательством, вызывает все же на местах целый ряд неудобных для практики кооперативного движения явлений. В деревне, в том или другом месте села или волости появляется множество кооперативов. Там каждый волен организовать любой кооператив. Там появляются и сельско-хозяйственные кооперативы и маслобойные и т. д. Там появляется промысловый кооператив, там действует и потреб. кооперация. Все это создает обстановку распыления

внимания у крестьян между отдельными видами кооперации, которая каждая в отдельности должна приносить ему экономическую пользу. Он не может быть членом всех их. Происходит конкуренция между кооперативами в смысле вербовки своих членов. Бывают даны обещания, которые не исполняются, чем подрывается кредит к кооперации вообще. Силы разрознены, нет совместной борьбы с торговым капиталом, с ростовщиком, который, пользуясь этой раздробленностью сил и конкуренцией, делает свое дело, и в конце-концов эти кооперативы, конкурируя между собой, иногда доходят до особенно острых методов борьбы. Тут оказываются невозможными никакие совместные действия, никакая совместная координация сил и т. д. Вот с этими вредными явлениями нам и нужно, так или иначе, бороться. Некоторые товарищи выставляют идею принудительного интеграла, принудительного об'единения всех видов кооперации в единую интегральную кооперацию. Я думаю, что такое решение вопроса было бы вредным по тем мотивам, которые я уже здесь сообщал. Это при зачатке развития нашей кооперации сильно подорвало бы те стимулы, которые двигают ее вперед. Какие же мы имеем способы борьбы с теми нездоровыми явлениями, о которых я говорил? Я думаю, что мы должны итти по пути добровольного об'единения отдельных видов кооперации. Это не интеграл, это не осуществление единой кооперации, это привлечение к нему, как к добровольному об'единению тех кооперативов, которые возникают. Поэтому мы должны дать директиву партийным органам, чтобы в тех случаях, когда это вызывается экономической необходимостью и не мешает осуществлению пролетарского влияния на вновь создаваемую организацию, это об'единение должно осуществляться, должна организовываться смешанная кооперация. Тут является спорный вопрос: какую линию мы должны взять в том смысле, вокруг чего смешанная кооперация должна быть по преимуществу организована. Я выскажу тезис, что должна создаваться преимущественно вокруг потребительской кооперации. Я думаю, что это ясно из того, что я сказал. Потребительская кооперация, куда входит городской пролетарий, является лучшей ареной в смысле осуществления пролетарского влияния, является большей гарантией того, что эти смешанные кооперации будут под нашим влиянием и влияние враждебных нам партий будет там значительно ослаблено. Поэтому, мысль о том, что эти смешанные общества должны создаваться вокруг потребительской кооперации, обязательно должна быть закреплена здесь, на этой партийной конференции. Это будет директива на места не в том смысле, чтобы принудительно об'единять вокруг потребительской кооперации. Это не значит, что нужно ломать систему добровольности и свободы выборов, которая предоставляется: это зна-

чит, что мы осуществляем партийное руководство. Если нам удастся в отдельных случаях об'единить те или другие виды кооперации, с.-х. или промысловые, то само собой разумеется, что это еще не является достижением задачи, тем более, что потребительская кооперация, являющаяся основным орудием товарообмена, имеет значительно большее количество государственных средств, большее количество возможностей удовлетворения непосредственно сельско-хозяйственного товаропроизводителя не только как потребителя, но и как производителя, ибо сбыт продуктов сельского хозяйства стал основной задачей с.-х. кооперации в настоящий момент. И этой задачи от с.-х. кооперации отнять нельзя.

Дальше мы добиваемся в этих отдельных видах кооперации того, чтобы совместно строить об'единенные промышленные хозяйственные подсобные предприятия путем акционирования, путем договорных отношений и т. д. Нужно уничтожить дух вражды, дух конкуренции, разлада между этими видами кооперации. Нужно, чтобы коммунисты умели находить общий язык, умели примирять кажущиеся противоречия между этими видами кооперации и сорганизовывать совместно хозяйственные предприятия, что будет наилучшим способом уничтожения конкуренции и борьбы. Должна быть установлена взаимная торговля, хозяйственное обслуживание, что особенно важно, даны кредитные функции различным видам кооперации. На почве кредита, в котором заинтересованы все виды кооперации, прежде всего и легче всего об'единять эти отдельные виды кооперации. Поэтому, несомненно, кредитные функции должны быть одним из могучих средств для уничтожения этой раздробленности, разрозненности отдельных видов кооперации между собой. Нет надобности доказывать, что это задача трудная—об'единение различных видов кооперации, но для достижения ее надо устраивать смешанные товарищества, смешанные общества, смешанные союзы различных видов кооперации, и это должно проводиться обычным, нормальным кооперативным путем на основании существующего законодательства, ни в коем случае не мешающего самодеятельности и самостоятельности прав разных видов кооперации. Мы должны пользоваться методами нашего влияния, органической постоянной работой, завоевывать это влияние и, завоевав его, осуществлять задачу об'единения, согласования и, наконец, слияния отдельных смешанных кооперативов.

Внимание партии к кооперации.

Заканчивая, товарищи, свой доклад, я хочу остановиться, на том обстоятельстве, что теперешнее положение кооперации, ее значение для народного дозяйства и значение ее, как политической арены, для осу-

ществления нашего влияния на крестьянство в целом, все это диктует нам переход от случайного, эпизодического, нерегулярного, несистематического влияния на кооперацию к постоянной органической и систематической работе и руководству. Мы должны не ограничиваться тем, что интерес того или другого парткома проявляется к кооперации в моменты с'ездов, в моменты выборов того или другого руководящего органа. Мы не должны ограничиваться тем, что партийные комитеты разбирают конфликты между отдельными коммунистами и между кооперативными в целом. Мы должны кооперативную работу держать под постоянным пристальным вниманием всей нашей партии, всех наших партийных организаций. Мы должны установить с работниками, работающими в области кооперации, органическую непрерывную тесную связь, мы должны добиться того, чтобы были выявлены все фракции, все ячейки, все единичные коммунисты, работающие в кооперации, чтобы между ними была установлена определенная органическая связь, как и между ними и партийными комитетами. Мы должны создавать такие условия, когда партийные комитеты могли бы систематически, изо дня в день исполнять эти функции и через это добиться своего влияния в промысловой и с.-х. кооперации.

То обстоятельство, которое я подчеркнул в начале своего доклада—это старание политических партий, враждебных к нам, использовать потребительскую кооперацию—ставит перед нами эту задачу с особенной настойчивостью Мы не должны давать возможности мелко-буржуазным явлениям, вызванным нами к жизни благодаря изменению нашей экономической политики мы не должны дать им укрепиться и не должны создавать для них возможности их оформления. Мы должны принять все меры к тому, чтобы разрушить надежды мелко-буржуазных и контр-революционных организаций и отнять от них ту возможность, за которую они так охотно и так радостно ухватились.

Возрождение буржуазной идеологии и задачи партии.

Доклад т. Зиновьева.

— Товарищи! Наша конференция подводит итоги первому году работы нашей партии в условиях новой экономической политики. Предыдущие доклады под'итожили нашу работу в этих условиях в очень важных отраслях деятельности партии. Моя задача под'итожить нашу работу в условиях новой экономической политики на другом поприще, на поприще политическом, являющемся, разумеется, в известной мере решающим.

Я думаю, товарищи, что лучше всего введу вас в свою тему, если ознакомлю вас для начала со следующим диалогом относительно смысла переживаемых нами событий между меньшевиками и сменовеховцами.

Экономика и политика.

Не так давно, несколько недель тому назад, меньшевики в своем органе „Социалистический Вестник“ писали: „Коммунистическая диктатура при новой экономической политике, т.-е., попросту говоря, при укреплении буржуазно-капиталистического уклада,—это такая историческая нелепость, такая воплощенная бессмыслица, которая одинаково, хоть и с разных сторон, непереносна и для новой буржуазии всех калибров, и для пролетариата, и для искренних коммунистов“. Коммунистическая диктатура при непе, т.-е., попросту говоря, при укреплении нового буржуазного уклада, есть „историческая нелепость“. Это— лейт-мотив всей антисоветской прессы и всего антисоветского, так-называемого „социалистического“ лагеря; то, что сейчас происходит в России, есть просто-напросто нелепость, одинаково непереносная, как они выражаются, и для искренних коммунистов, и для искренней буржуазии.

И вот что на это отвечают сменовеховцы, которые,—должен с самого начала сказать,—гораздо больше сходятся с меньшевиками, чем это иногда принято думать среди нас, в коренных, основных вопросах.

„Если освободить эту тираду от задорно-полемической шелухи, то можно найти в ней и серьезные положения, с которыми допустимо вступить в серьезный спор. Прежде всего, совершенно непонятно со стороны представителей марксистского мировоззрения деланое негодование по поводу, действительно, существующего противоречия между новой

фазой экономического бытия России и сохранением принципа классовой диктатуры. Марксисты должны были бы знать, что экономика и политика никогда сразу, по мановению волшебного жезла, в унисон не приходят, но всегда преобразование политических форм несколько отстает от развития хозяйственных явлений.

И в противоречии, которое отмечается журналом, нет ничего ужасного. Это—обычный путь исторического развития. Существование такого противоречия—не повод для горестных восклицаний, но, наоборот,—залог неизбежной эволюции к новой и лучшей жизни".

Если освободить заявление сменовеховцев от словесной шелухи, то получится следующее: они говорят Мартову и компании: „Зачем вам унывать. Вам, как марксистам, следовало бы знать, что сначала будут уступки в области экономической, а затем, в силу законов эволюции, и в области политической; вы получите давно желанную демократию". На этом сходятся и меньшевики, и сменовеховцы. Таков лейт-мотив той критики, которая идет из рядов меньшевиков и эсеров, а если взять шире, то и из рядов 2 и $2^1/_2$ Интернационалов вообще. То, что переживает Россия сейчас, есть, видите ли, ублюдок. Нелепое положение; коммунистическая диктатура при росте буржуазии. Попытка большевиков делать экономические уступки, не уступая политически, есть-де безнадежная попытка.

Квази-марксисты из лагеря меньшевиков, квази-социалисты из лагеря эс-эров стараются представить наше положение, как просто-напросто бессмыслицу, нелепость, и в утешение выслушивают от наших квази-друзей, сменовеховцев: «Погодите, время придет, вы увидите, как вы очутитесь в вожделенном лагере буржуазии—демократии».

С самого начала новой экономической политики меньшевики, в особенности, а также и эс-эры расчитывали на то, что это есть начало капитуляции со стороны нашей партии. Они не делали из этого секрета, заявляли на всех перекрестках, что новая экономическая политика означает в ближайшем будущем политические уступки. И только, по мере того, как они разубеждались в этом, по мере того, как стали увядать их иллюзии на этот счет, они стали искать других об'яснений и пришли к тому, что заявляют, что все происходящее теперь просто-на-просто нелепость

Разлагаемся не мы, а наши враги.

В течение истекшего года в новой обстановке наши противники, безусловно, пережили целую фазу если не разложения, то известного расслоения. Год тому назад, полтора года тому назад, когда мы стояли

на пороге нэпа, они сулили нам, что это разорвет нашу партию на несколько частей, что внутри нашей партии будет чуть ли не классовая борьба. Я цитировал вам на XI с'езде партии целое исследование меньшевистского цекиста Далина, в котором он подводил, якобы, научный фундамент под свой тезис, что нэп разорвет основной фундамент—нашу партию, и тогда-де начнется новая глава в истории России.

Год—срок небольшой, и мы не можем обнадеживать себя, что мы обошли уже все опасности, связанные с новой экономической политикой. Но, во всяком случае, мы имеем право про истекший год сказать: хотя совершенно не оправдались мрачные предсказания относительно нашей партии, но зато в лагере врагов РКП произошло если не разложение, то, не преувеличивая можно сказать, расслоение. Факт, что одна партия уже разбилась на две группы. Одна из самых серьезных контр-революционных партий—кадетская партия. Факт, что она за этот истекший год имеет два центра. Если взять из другой сферы, то тоже факт, что за этот год расслоение среди духовенства пошло очень быстрым шагом.

Орган правых кадетов «Руль» на днях писал, что религия является последней единственной областью, куда не проникло, как они выражаются, „растление советской системы“, и теперь «штурмуется эта последняя цитадель».

Эти страхи напрасные. Никто ее не штурмует. Мы знаем, что это расслоение церкви происходит самопроизвольно, под влиянием глубоких и основных изменений России, связанных с величайшей революцией. Но факт отмечен правильно. Действительно происходят важнейшие события и в церковном лагере, и в том лагере, который являлся надеждой и опорой правой кадетской партии и меньшевиков.

За это время произошло расслоение и в рядах самих меньшевиков. У них происходит отслоение направо и налево. Направо образовалась группа «Заря» во главе с Ст. Ивановичем. Они совершили маленькое святотатство, избрав для своей группы заглавие «Заря»,—название нашего научного марксистского органа в 1903 году. Эта группа меньшевиков, во главе с Ст. Ивановичем, издает журнал под этим именем, организует в России группы, так называемых «внепартийных социал-демократов», и критикует свой собственный центр справа. Вот у меня в руках брошюра Ст. Ивановича: «Сумерки русской социал-демократии». Она изобличает Мартова и Дана в том, что они не свели концы с концами, что они хотят быть именинниками и на Ивана и на Петра. Ц. К. меньшевиков и за демократию, и за диктатуру, и т. д. Вот вам отслоение меньшевиков направо.

И них есть намеки на отслоение и «налево». Не так давно мне случилось читать любопытный документ члена Ц. К. меньшевиков Бера,

который критикует Мартова и говорит ему: мы совершенно не понимаем той позиции, которую занял сейчас наш меньшевистский Ц. К., вы кричите во всю глотку, что большевики вырождаются в бонапартистов, что они теряют свою связь с рабочими массами. Ведь, вы же сами учили нас тому, что меньшевики и большевики опираются на один класс, только на различные его крылья. Если вы заявляете, что они перестали быть рабочей партией, то потрудитесь это обосновать, а не говорить об этом мимоходом.

Я не придаю значения заявлениям тех или других лиц. Мы прекрасно знаем цену декларациям меньшевистских цекистов, но если мы берем меньшевизм так, как он есть в России и за границей, то нужно сказать, что они за это время не только не сконсолидировались, но, наоборот, за этот год они дали трещину, и трещину порядочную.

То же самое можно сказать и относительно эсеров. Кроме всех группировок, бывших до сих пор, мы видим новую группу, по крайней мере, внешним образом новую группу — Керенский, Бунаков, Авксентьев, Брушвит, — таким образом, от правых эсеров отказываются архиправые. Левые эсеры окончательно разлагаются.

Мы видим, что и в их лагере за этот год произошла не консолидация и не укрепление, а, напротив, разложение.

Началось расслоение среди студенчества, самого упорного антисоветского элемента. Наконец, появилась группа сменовеховцев, которые, конечно, не являются коммунистами, но которые являются чрезвычайно интересным явлением, отражающим процесс, происходящий внутри буржуазной интеллигенции.

Таким образом, мы можем, не обольщаясь, сказать, что, по крайней мере, за этот год все те опасности, которые нам сулили враги и которые они со злорадством ожидали, пока что, не оправдались, а в то же время в лагере антисоветском, начиная с духовенства и кончая левыми эсерами, — в этом лагере мы видим начало серьезнейшего разложения.

Перестройка антисоветского лагеря.

Этим я вовсе не хочу сказать, что переживаемое нами время не чревато опасностями. Напротив, это мы говорили с самого начала. Та глава в истории нашей революции, которая называется нэпом, связана на политической арене с крупными опасностями, которые надо ясно видеть, и только тогда можно будет их избегнуть. За это время в политической области наметились некоторые новые явления. За этот год мы видим, с одной стороны, у наших противников в широком смысле слова безусловный надлом, начало разложения. Но с другой стороны, надо ясно

видеть, что в антисоветском лагере происходят какие-то новые образования, происходит на новой основе как бы- оживление и консолидация антисоветских сил против нас. Поэтому в органе правых кадетов, гессенском „Руле", мы читаем следующее: „И как только эта, так сказать, незаконная дочь Нэп'а появилась на свет божий, так сразу, со всех сторон потянулись, правда, очень тонкие, даже воздушные нити оппозиции, которые, далеко переплетаясь и сплетаясь, образуют все более густую и прочную сеть. Куда только ни посмотрят большевики, всюду они ударяются в эту стену и чувствуют, а то уже и сознают, что все в цепях они безусловно запутаются. В Москве и Петербурге появилось много литературы и всяческих альманахов. вплоть до издаваемых Госиздатом (слова из песни не выкинешь)... под редакцией большевиков, насквозь проникнутых духом стойкой непримиримой оппозиции и всесторонним выяснением, что большевистский этап революции не принес никаких положительных результатов и завоеваний, что он пришел к концу. О чем бы ни говорилось—о литературе, музыке, театре, да и в беллетристических произведениях, среди которых наряду с отвратительными кривляниями встречаются настоящие перлы, всюду, в каждой строчке сквозит одна и та же мысль: «опускайся, кум на дно»...

Страшен сон, да милостив бог. Я думаю, что дело обстоит не так страшно, как это рисует издатель «Руля». У вас уже не такая густая и прочная сеть „оппозиции". Но, несомненно, в этом заявлении наших врагов есть ядро истины и мы должны воспользоваться предостережениями наших врагов для того, чтобы ясно видеть происходящее и принимать те меры, которые необходимы.

Да, если вы меня спросите, что произошло нового на политической арене Советской России за этот род, я скажу: новое заключается в том что антисоветский лагерь перестраивается по новому. В нем происходят крупные и серьезные расслоения, но он, тем не менее, обнаруживает изрядную живучесть Он перестраивается на лучший лад, он использует каждую щелку в этом новом этапе нашей революции для того, чтобы перестроиться по-новому, для того, чтобы использовать в своих целях и нашу советскую легальность.

Вот, в чем заключается новизна политического положения. Мы наблюдали за 1921—22 г.г. некоторые явления, которые были невозможны ни в 1917, ни в 1919, ни в 1920 г.г. Мы наблюдаем сейчас сцепление молекулярных сил против нас в таких формах, в каких это было невозможно до нэп'а, до последнего года. И хотя общий итог первого года вовсе не дает повода к какому-нибудь особенному пессимизму, он, однако, дает достаточно пищи для размышления насчет этих новых форм,

этих организаций антисоветских сил, и он должен заставить кое в чем нас перестроить наши ряды так, чтобы добиться известных результатов.

Меньшевистская и антисоветская вообще формула гласила так: вслед за экономическими уступками давайте нам политические уступки.

Мы ответили на это на 11-м с'езде: Отступление в области экономической останавливается. По вопросу о политических уступках мы с самого начала заняли определенную и ясную линию. Но теперь нам мало этого ответа. Сейчас, мне кажется, мы должны сказать более ясно: «Отступление в области экономической останавливается, в области политической наше наступление продолжается". Это вовсе не значит непременно в формах 1918—19 г.г. Было бы ошибкой так просто представлять себе дело.

Мы не можем в условиях новой экономической политики в 1922 г., не можем и в этой области прибегать ко всем тем методам, которые были уместны в 1918 и 1919 г.г. Отказ от военного коммунизма в области экономической, конечно, находится в связи с тем, что мы должны применять кое-какие новые методы и в области политической. Это партия должна ясно сознать. Но вместе с тем мы должны ясно себе сказать, что в другой форме и другими методами в более сложной обстановке мы в области политической будем организовываться для продолжения наступления.

Я уже сказал, что новизна заключается в том, что противники пытаются использовать, говоря старыми терминами, «легальные возможности» советского режима. Они говорят об этом довольно прямо: ведь, использовали же в свое время большевики третьеиюньский монархический режим, почему же нам не использовать советскую легальность?

Что касается антисоветских организованных партий, то, я думаю, не надо обольщаться. Мы нанесли эсерам и меньшевикам сокрушительные удары, но можем ли мы сказать, что политически уже полностью ликвидировали эсеров и меньшевиков в России. Я думаю, что пока мы не можем еще этого сказать. Задача нашей партии заключается теперь в том, чтобы политически ликвидировать эти организованные антисоветские партии в России. Но нам надо и, мне кажется, в этом и будет значение нашей конференции, эту цель впервые себе ясно поставить.

Мы не обольщаемся относительно достигнутых результатов, хотя эти результаты, несомненно, серьезны. Предвещавшиеся нам беды не наступили, а расслоение в рядах противника наступило. Мы ставим себе большую задачу. Мы не так скромны более, чтобы ограничиваться тем, чтобы кое-как обезвреживать меньшевиков и эсеров. Мы думаем, что наше политическое наступление будет теперь развиваться, и мы полностью ликвидируем эти антисоветские группы, отняв у них то,

что у них есть ценного из их человеческого материала, что способно поддерживать Советскую власть, и разбив остальное.

Использование легальных возможностей.

Меньшевики не так давно формулировали свою задачу следующим образом. В одном из циркуляров Ц. К., напечатанном в новогоднем, если не ошибаюсь, номере «Социалистического Вестника», сказано—они обращаются к местным организациям меньшевиков. „Вы должны рассматривать себя как партию, стоящую на почве советской конституции, как партию легальной социалистической оппозиции, относящейся отрицательно к методам вооруженной борьбы и вооруженных восстаний, которые в настоящих условиях повлекли бы торжество реакции." Это в январе 1922 года говорит Ц. К. меньшевиков. Само собой понятно, мы не можем, к сожалению, принять за чистую монету это заявление. В январе 1922 года они говорят, что надо отрицательно относиться к методам вооруженной борьбы и восстаниям. Весной же 1921 г. меньшевики совершенно определенным образом поддерживали кронштадтское восстание в лице их Ц. К. и, в частности, в лице господина Дана.

Вот почему мы это заявление Ц. К. меньшевиков рассматриваем так, как только и можно его рассматривать, как военную хитрость, потому что целым рядом других документов они расшифровывают свою политику, заключающуюся в том, чтобы «использовать советскую легальность».

Помните пресловутый лозунг „борьба за легальность, за частичные требования". В такой форме они ставят, по крайней мере, часть их, свою борьбу по отношению к нам.

Я не могу сказать, чтобы у меньшевиков и, тем более, у эсеров, была на этот счет совершенно прямая линия. Нет, они находятся в этом отношении, как, впрочем, и во многих других, на распутье. У них двойственность в политике. С одной стороны, если посмотреть на печать, на важнейшие программные заявления, то вы увидите, что они держат себя иногда с внешней показной непримиримостью, необычайной крикливостью. Они-де являются единственными наследниками октябрьской революции. В силу перерождения нашей партии, они-де являются теперь единственной рабочей партией. Вы часто найдете у эсеров и меньшевиков такого рода выступления, что это они защищают наследство октябрьской революции. Они, видите, стали теперь единственной рабочей партией. Они-де подхватывают знамя, выпавшее из наших рук. В то время, как мы стали защитниками известной части новой буржуазии, они являются будто бы завершителями октябрьской революции.

Это одна нотка их агитации. Другая нотка—„борьба за легальность". Остановлюсь на этой первой. Что касается первого, „левого", крикливого, внешне непримиримого направления, то, мне кажется, что оно нам не может причинить большого вреда, оно едва ли опасно для Советской власти. Внутренняя фальшь этой позиции настолько бьет в нос каждому рядовому рабочему, что едва ли на этом меньшевики и эсеры могут много выиграть. Когда люди, имеющие за плечами то, что имеют меньшевики и эсеры, когда такие люди пытаются теперь рядиться в тогу душеприказчиков октябрьской революции, они, мне кажется, будут осмеяны беспартийными рабочими массами. Внутренняя фальшь будет слишком бить в нос. Как я говорю в своих тезисах, за эти годы у широких рабочих масс в результате нескольких лет тягчайшей борьбы выковалось чувство весьма ценное для нашей революции, чувство реалистического отношения к тому, что выполнимо в данной стадии революции.

Сейчас настроение рабочих, вы сами видите, все-таки не такое, что стоит им побольше обещать, и тогда он за тебя. Многострадальные годы гражданской войны выработали в рядах рабочих в этом смысле критическое отношение. Они знают, что можно, чего нельзя. И как исключение является то, что некоторые группы ставят свои цеховые интересы выше общих. Мне кажется, что крикливая, якобы, левая позиция меньшевиков и эсеров едва-ли опасна, и вряд ли она может завоевать некоторое влияние у нас, хотя эпизодически это возможно. Бороться против этого можно только тем, что нам удастся начать, хотя и очень медленно, выполнять кое-что из того, что было невозможно выполнить до сих пор. Всем известно, что сейчас преобладающим стремлением в массе является стремление к сытой жизни, к порядку, к знанию. Это есть основное настроение сейчас. Этим будут пытаться воспользоваться наши противники. Но в меру того, как нам удастся итти навстречу удовлетворению этих законных требований, требований революции, в меру этого будет ослабевать влияние меньшевиков и эсеров.

Другая часть работы меньшевиков и эсеров мне кажется более опасной. Я говорю о формуле борьбы за легальность. Те же эсеры и меньшевики, который сейчас пишут программного свойства статьи на тему, что они являются единственными проводниками требований Октябрьской революции, стали уже выступать с «частичными требованиями». Они бросают в массу учащихся лозунг автономии школ, они бросают в крестьянскую массу лозунг дешевого кредита, в красно-армейскую массу—лозунг шестимесячной службы. Если взять последнее постановление меньшевиков о профсоюзах, то они выдвигают лозунг прожиточного минимума в старых довоенных рублях, пытаясь этот частичный лозунг сделать исходным пунктом определенного массового народного движения

против нас. И вот, товарищи, мне сдается, что эта вторая часть тактики меньшевиков и эсеров заслуживает более пристального внимания с нашей стороны. Она есть то новое в области политических группировок, что мы переживаем в последний год, и что имеет известную социальную базу. Едва ли было возможно такое постановление меньшевиков года два—три тому назад. Теперь это постепенно будет становиться преобладающей нотой в их агитации, в их работе. Почти наверняка можно сказать, что эта вторая нота будет вытеснять первую, крикливую, якобы левую ноту и постепенно вытеснит ее целиком. Это понятно. Эта вторая нотка всецело вытекает из того соотношения сил, которое мы сейчас имеем в Советской России.

Я сказал, что за этот год мы отметили некоторые явления, которых мы не могли отметить ни год, ни два, ни три тому назад. Возьмите такой вопрос, как с'езды, легальные «общественные» с'езды. Мы слишком мало внимания обращали на это до сих пор. Теперь пора в этом отношении подвести итог.

Это становится возможным потому, что мы имеем ряд таких с'ездов. Крайне показательным был с'езд врачей в конце весны этого года. Я не имею данных и не могу вам сказать, насколько меньшевики и эсеры действовали там организованно, да это и не важно. Важно то, что на этом с'езде мы видели известное об'ективное воплощение в жизнь той второй половины тактики эсеров и меньшевиков, которую я вам в самых беглых штрихах обрисовал.

Среди такой группы населения, как врачи, неизбежно еще имеются круги, которые в значительной мере настроены враждебно к Советской власти. Конечно, и среди той группы есть честные работники Советской страны, но я говорю об определенном слое, который вам всем известен. На этом с'езде меньшевики и эсеры, об'ективно говоря, имели некоторый успех. Мы видели там ряд крайне характерных выступлений. Один из врачей говорил о том, что они, демократы, живут „в коммунистическом окружении“ в нашей Советской стране. Это—*политическая* терминология. Это политическое заявление в высшей степени лапидарное и правильное, с их точки зрения. Они выдвигали вопрос о том, как им организоваться в рамках этого „коммунистического окружения“. Говорилось о том, что им нужны даже уездные секции врачей, которые должны себе ставить задачу, как-то: бороться с этим „коммунистическим окружением“. Я не знаю точно, существуют ли такие уездные секции, но достаточно того, что это висит в воздухе, что мысль об этих уездных секциях, необходимых не для того, чтобы бороться с холерой и с другими эпидемиями, а для того, чтобы освободиться от «коммунистического окружения», есть. Это—определенное *политическое* заявление, в высшей степени ценное.

Целый ряд такого рода заявлений мы слышали на этом с‘езде. Это есть явление, которое не было возможным раньше, которое стало возможным в 1922 году и которое наша партия должна учесть, как нечто новое.

Мы видели с‘езд агрономический, где слышались подобные же заявления, по своей контр-революционности не оставлявшие желать ничего большего. Такие с‘езды, товарищи, должны заставить нас задуматься.

Далее, мы видели ряд выступлений профессуры, которые также только вот теперь пытаются, сами того не сознавая, стихийно итти по линии меньшевизма и эсерства в ее второй половине. В этом смысле меньшевики могут найти отклик об‘ективно довольно опасный, ибо контр-революционный. Мы видели, говорю я, целый ряд таких выступлений со стороны профессуры, и эти выступления вам известны.

Количественно этот слой не велик. Мы имеем всего пять тысяч человек профессоров, а вместе со служащими 12.000 чел. Это, конечно, небольшой слой, но этот слой очень важен. Я бы сказал, что сейчас тут, может быть, можно взять то сравнение, которое применялось на предыдущей конференции о командных высотах. Высшие учебные заведения теперь есть одна из важнейших командных высот—для нас же особенно, по причинам, о которых я буду еще говорить.

Это явления новые. Я не говорю, что на этих с‘ездах были непременно организованные меньшевики и эсеры. Нисколько. Но резонанс для меньшевизма и эсерства в его последней формации, последней интерпретации—вползти «в советскую легальность», опираясь на якобы происходящее постепенное перерождение Российской Коммунистической Партии, «взорвать изнутри», разложить, рассосать Советскую власть, это есть. В течение 1922 года мы видим целый ряд любопытнейших эпизодов из этой области.

Литература.

То же самое творится, товарищи, и в области литературы. Нам говорили, что из НЭПА вытекает свобода печати для буржуазии, что кто сказал НЭП, тот должен сказать—свобода печати для буржуазии. Это, разумеется, не так, товарищи. Мы должны дать себе отчет в том, что переходный период есть переходный период. И если бы нынешняя фаза революции затянулась в силу каких нибудь исторических событий на полстолетия или на четверть столетия, то была-бы, разумеется, опасность того, что окружение НЭПА, окружение буржуазии рассосало бы как нибудь и нашу пролетарскую диктатуру. И, разумеется, говоря в

терминах исторических, если брать периоды в 25 лет, если говорить десятилетиями, то, конечно, это исторически неизбежно, если бы так пошло дело.

Но суть в том, что дело так не идет, что мировая революция развивается, что даже первый год, протекавший в обстановке чрезвычайно тяжелой, в обстановке голода, в обстановке, когда нам в Генуе и в Гааге пред'являли грубо реставрационные требования, все-таки наше положение улучшилось. Из того, что мы сделали уступки экономические, не следует, что мы будем делать уступки политическе, в роде свободы печати для буржуазии, меньшевиков и т. д. Принципиальная линия партии в этом вопросе была и остается верной.

Однако, нельзя не признать, что буржуазия даже за один год сумела нас обойти с тыла и сумела завоевать кое-что. Правда, в этой области крупных завоеваний у нее нет и не будет. Сколько нибудь распространенной периодической печати у нее не будет, но все-таки кое-какие завоевания она сделала. Вот некоторые данные, которыми я располагаю относительно легальных издательств: в одной Москве,—сколько бы вы думали, товарищи?—337; в Петрограде—83. У нас нет данных относительно губернских городов, относительно Украины, относительно целого ряда важных областей. Я обращаю внимание, товарищи, на то, что абсолютно необходимо в этой области данные иметь, и иметь их собранными в одном месте, тщательно следить, чтобы Центральный Комитет Партии мог обозреть действительное положение во всей стране.

Само собою разумеется, что ни Советская власть, ни Российская Коммунистическая Партия отнюдь не склонны к тому, чтобы печатный станок бездействовал. Нисколько. Наоборот. Мы, конечно, должны стараться, чтобы у нас процветали литература, просвещение и проч. Мы, конечно, должны их поддерживать, но, товарищи, при том положении вещей, которое мы имеем, когда мы, партия и государство, в этой области отстаем, мы должны констатировать тут за один год необычайную энергию и необычайную кипучую живучесть со стороны противника. Я читал вам выдержки из «Руля». В общем и целом они правильно изображают дело, когда говорят, что литература вырывается из-под диктатуры пролетариата и что она частенько отравлена совершенно определенною ненавистью к Советской власти.

Я приведу сейчас несколько примеров. Думаю, что не стоит приводить особенно много. У нас действительно развилась в Москве и Петрограде литература, которая является основанием всего нынешнего буржуазного мировоззрения. Я процитирую несколько литературных проявлений НЭПО и в Петрограде и в Москве.

Питирим Сорокин выступает с заявлением в том духе, что русская интеллигенция должна занят по отношению к Советской власти «англо-саксонскую позицию», которая заключается в том, чтобы участвовать в строительстве России, не обращая внимания, не взирая на Советскую власть, несмотря на то, что она существует. Так характеризует он политику и Ллойд-Джорджа. И вот такая «англо-саксонская» политика открыто проповедывается со страниц печати в России. Более того, передо мной журнал «Экономист», издававшийся в Петербурге (он закрыт недавно). «Экономист» есть главный теоретический штаб нэповской буржуазии, об'единяющий почти всех литературных работников экономистов кадетской партии. В «Экономисте» по вопросу о Генуе выступал профессор Тарле и говорил не только против нас, не только против Сов. России, но и против английской буржуазии, почти целиком защищая линию Пуанкаре. Он прямо критиковал не только Советскую Россию, но, повторяю, английское правительство.

Выходили у нас „Утренники". „Утренники" заглавие невинное, почти детское: „Утренники". Долго мы в них даже не заглядывали. Оказывается, что там помещает статьи бывший член центрального комитета кадетской партии Изгоев на „детскую" тему о... терроре и процессе эсеров. В этой статье Изгоев писал:

„Скажу совершенно определенно,—убийство Володарского, Урицкого, покушение на Ленина так же противно моему нравственному чувству, как убийство Александра II, Боголепова, Герценштейна, Иоллоса".

С его точки зрения убийство Ленина и убийство Столыпина одинаково и в высшей степени безнравственно и, конечно, если бы был возможен суд не партии, а суд народной совести вообще над насилием, тогда другое дело. Изгоев, Милюков и все прочие их соратники—вегетарианцы, никогда ни одной капли крови не пролили

В течение полугода вот куда успела добежать буржуазия! В этом смысле можно сказать, что тут надстройка опередила базис. Буржуазия не так разжирела в смысле экономическом. Но в смысле идеологическом, поскольку ей отпущены чуточку вожжи, она забежала очень далеко. «Идеологии» им не занимать стать. Им не надо ее восстановлять. Одно дело восстановить завод или рудник даже английскому концессионеру, а другое дело возобновить литературное предприятие Изгоеву и компании. Тут был бы станок, были бы чернила, а буржуазная отравленная идеология у него есть еще со времен царских. Вот, чем об'ясняется тот сравнительно большой успех буржуазии в области идеологической.

Вот книжка Тарле—«Печать при Наполеоне I». Кажется, что может быть цензурнее? Однако, почитайте эту книжку и вы увидите, что и тут пытаются проповедывать контр-революционные идеи.. Эти господа думают, что с нами можно так грубо хитрить.

В области поэзии и то дело обстоит определенно. Прав «Руль» в своих заявлениях, которые я приводил. Я не могу процитировать здесь целый ряд поэтов. Но вот известная Гиппиус в своем «Дневнике» со сладострастием говорит, что наступит момент, когда они нас «в молчании повесят». Октябрьская революция называется у ней« блевотиной войны». Я упоминаю о Гиппиус потому, что не помню, где,—в «Правде» или в „Известиях" я читал, что через 4 недели после выпуска этой книги за границей, она значилась в библиотеке на каких-то курсах. Таким образом, вы видите, что не только наши русские поэты, но даже и Гиппиусы просовываются в библиотеки красных курсантов. У нас существуют большие аудитории студенчества, в одном Питере тысяч 30—40, которые в значительной мере еще против нас. Это еще не означает, что мы должны на них махнуть рукой. А вот вся эта литература отравляет молодежь, вся эта литература создает базу для той тактики меньшевиков, о которой я вам говорил.

Сменовеховцы.

Я еще хочу в нескольких словах остановиться на самих сменовеховцах. Вы знаете, что сейчас принято представлять дело так, что сменовеховцы почти что чуть ли не коммунисты. Наша печать вначале допустила в этом отношении некоторые ошибки.

Конечно, правильным было и остается правильным поддерживать ту часть буржуазной интеллигенции, которая по своему «признает» Советскую власть, которая по своему хочет приложить свои силы,—пусть даже с известными задними мыслями,—к нашему хозяйственному строительству. Всякий, кто хочет помочь нам бороться с невежеством, кто хочет помочь хотя бы в небольшой степени поднять наше хозяйство, всякий такой деятель приветствуется нами и всякому такому мы должны сказать: честь и место. Но, тем не менее, мы должны трезво смотреть на то, что можно и чего не следует ждать от сменовеховцев. Было бы коренной ошибкой ждать от них, что они действительно в какой бы то ни было мере станут поддерживать коммунистическую партию.

Что же касается коренного вопроса, вопроса о судьбах НЭП'а, о том, что будет с Советской страной в результате этого НЭП'а—в этом коренном вопросе сменовеховцы стоят за одно с меньшевиками и эсерами. Они убеждены, что вся эволюция сведется к тому, что постепенно возродится буржуазная демократия и т. д. И наиболее умный их представитель Устрялов высказывает это с полной, не оставляющей желать большего, ясностью. В «Альманахе Русской Жизни» он пишет: «Знаменитый НЭП есть предвестие хозяйственного оздоровления страны.

Он—компромисс идеальных достижений революции с реальными. Пусть многочисленны пороки его практического проведения в жизнь,—они не смогут уничтожить его внутреннего смысла, его исторической миссии. Он приведет к окончательной всецелой национализации революции, т. е. опять-таки к неизбежному „возвращению“ потерянной России». Даже некоторые из его сторонников спрашивают, что он понимает под потерянной Россией. Понимает ли он самодержавную Россию, о которой один из контр-революционных поэтов недавно написал: «Хозяин вышел погулять, но хозяин скоро вернется»? Конечно, Устрялов так не понимает, он ждет *буржуазного хозяина* и на него надеется.

Такие заявления вы найдете в целом ряде других статей сменовеховцев.

Теперь прошел уже год существования этого политического течения. Вы должны суметь посмотреть на него диалектически: сменовеховство в известном смысле играет положительную роль, это было и остается фактом. Поскольку оно—не оголтелая звериная ненависть к рабочему классу, поскольку буржуазная интеллигенция переходит с прямых путей открытой гражданской войны против нас на известное сотрудничество, пусть даже с некоторой задней мыслью,—роль сменовеховцев была и остается крупной. Мы это должны видеть все.

В одном эсеровском журнале я читал статью Лебедева об эмиграции. Статья ценна по своему фактическому материалу, она доказывает, что два миллиона человек, живущие там, действительно отражают все те направления контр-революции, которые мы видим внутри России. Теперь бы, пожалуй, не стоило большого труда добиться ускорения возвращения эмиграции в Россию. Вопрос только в том, так ли это необходимо сейчас для Советской страны.

Роль эмиграции, которая имеет значительное количество культурных сил, но удерживает их, не желая итти на работу, в известной мере и с известными изменениями напоминает роль чехо-словацких легионов в деле построения Красной армии. Чехо-словаки, нападая на нас, подгоняли нас к строительству Красной армии. Так и с культурной работой. То обстоятельство, что мы видим со стороны эмигрантской интеллигенции стачку скрещенных рук,—мы, мол, остаемся там, не поможем вам нашими спасительными знаниями, не дадим ничего вашей „вшивой“ Советской стране,—может-быть, это поможет в том смысле, что подтолкнет нас скорее создать свое в этой области, как чехо-словацкие легионы подтолкнули создавать скорее Красную армию.

В деле дифференциации буржуазной интеллигенции сменовеховцы играют почтенную роль, но, вместе с тем, у сменовеховцев, которых многие считают чут ли не большевиками, есть определенные буржуазно-

реставраторские ноты, и вся их программа есть буржуазная программа. Они ждут восстановления *буржуазной* России и будут подстерегать революцию в этом смысле на каждом углу. Это мы должны видеть, и только тогда мы будем правильно поступать, когда, не отказываясь от сотрудничества, мы, вместе с тем, поставим воспитание собственной партии так, чтобы не было представления, что даже этот слой буржуазии примирился с коммунизмом.

Кооперация—гнездо соглашателей.

Два слова о *кооперации.* Мы говорили об этом на конференции довольно много, и я подчеркну здесь только самое необходимое. Мне сдается, что мы не дооценили роли кооперации, как базы антисоветских партий и течений в широком смысле этого слова. Меня убедила в этом речь тов. Осинского, который говорит, что у нас в сельско-хозяйственной кооперации нет эсеровской опасности. Как мог Осинский сделать такую ошибку? Мне кажется, это не индивидуальная ошибка Осинского, но доказательство того, что все мы, как партия, еще не достаточно внимания уделили новому повороту событий, тому, что есть нового в политике, тем новым формам борьбы меньшевиков и эсеров и вообще антисоветских сил против нас, о которых я говорил.

Конечно, мы должны переходить к вопросу о кооперации прежде всего с точки зрения хозяйственной. Российская Коммунистическая Партия не только не откажется помочь кооперации, а отдаст все силы, чтобы поднять ее до наивысшей мощи, чтобы все силы государственного аппарата пришли ей на помощь. Это наш долг, это необходимо для Советской страны. Но мы должны видеть и политическую сторону. Я приведу цифры. *На первом Всероссийском с'езде сельско-хозяйственной кооперации прошлым летом* (правда, мы тогда еще меньше обращали внимания на нее, чем сейчас, что облегчило борьбу нашим противникам) из 84 делегатов с решающим голосом было 32 эсера, 25 кадетов и монархистов, 21 беспартийный и невыясненных и два коммуниста. Как же может тов. Осинский говорить, что дело обстоит хорошо? За текущий год мы не особенно продвинулись вперед. Мы имеем данные, что часто на кооперативных с'ездах происходит только борьба между эсеровским и кадетским блоком, а мы почти отсутствуем.

В сельско-хозяйственной кооперации мы еще очень слабы. Об этом надо говорить, об этом надо кричать, партия это должна знать.

То же самое с промысловой кооперацией.

Перед мною две в высшей степени интересные книги заграничного издания, Тотомианца и Орлова. О Тотомианце не буду много говорить, скажу только, что этот чудак доказывает, что следующий этап эволюции большевиков — это переход от „государственного социализма или коммунизма к кооперативизму“ и т. д.

Одним словом, по Тотомианцу, мы эволюционируем к „кооперативизму“. Куда только мы не „эволюционизируем“ с точки зрения наших врагов? А мы на деле остаемся на своем месте.

Орлов, старый организатор контр-революционной кооперации, всем вам хорошо известный,—написал книжку под заглавием: „Начало возрождения кооперации в России“, только что вышедшую в Лондоне в издании об'единенных комитетов русских кооперативных организаций в Англии.

Из этой книжки становится ясным, как они оценивают положение В потребительской кооперации,—говорит Орлов,—коммунисты имеют солидную позицию. В потребительской кооперации не так легко будет с ними бороться. В ней они будут опираться на рабочих. Другое дело—сельско-хозяйственная кооперация. О ней он говорит определенно: эта кооперация наша... Выбрали, мол, правление из 9 членов и совет из 13 членов, потом ввели, как представителей власти, 2—3 коммунистов. «Большинство членов правления совета состоит поэтому из лиц, хорошо известных старой кооперативной России».

Товарищи! Они известны не только старой кооперативной России. Они хорошо известны старой рабочей России. Мы знаем их в роли подручных Чайковского и К°. Мы знаем роль сибирских маслоделов, которые два миллиона дали Колчаку на организацию белой армии.

Таким образом, на этот счет строить какие-либо иллюзии было бы большой ошибкой. При нынешнем переплете социальных сил сельскохозяйственная кооперация невольно может стать той ячейкой, где найдет приложение новая тактика эсеров и меньшевиков—«врастание».

Мы это должны ясно видеть.

Я, конечно, не хочу сказать—долой кооперацию, или давайте применять «хирургию» к кооперации. В этом отношении прав был тов. Осинский,—и тут мы все сойдемся,—когда заявлял, что завоевать кооперацию просто путем репрессий нельзя.

Вообще мои тезисы никто не должен рассматривать, как идеологию репрессии. Теперь не 1918 год. Дело сложнее, переплет поинтереснее; одними репрессиями невозможно ничего добиться. Конечно, на $^{9}/_{10}$ вопрос идет о деловой работе и сводится к тому, чтобы дать лучших работников, чтобы они научились строить настоящую кооперацию и т. д.

Вместе с тем необходимо ясно видеть: вот они, эти потенциальные об'екты эсеров и меньшевиков, возможный источник их сил и энергии. Вот они, эти «общественные» с'езды буржуазно-демократической интеллигенции. Вот она, буржуазная литература, которая высунулась чуть-чуть на поверхность, вот высшая школа, вот кооперация. Я назвал эти четыре отрасли нашей теперешней общественной жизни, наиболее важные в нынешней обстановке, в нынешнем этапе нашей революции, могущие стать на время базой антисоветских партий, партий, которые пока стихийно, а потом сознательно придут к политике «использования» нашей советской легальности, которая нам нужна, которую мы строим, но которую мы вместе с тем будем всячески ограждать и принимать все меры предосторожности.

Меньшевики и эсеры говорят: при Столыпине, „использование" было, почему это не может быть сейчас? Они маленького не видят, они не видят „маленькой» разницы, заключающейся в том, что нынешняя власть есть власть трудящихся масс, что у власти стоит партия рабочего класса, вооруженная методом марксизма. Метод этот дает возможность видеть события даже тогда, когда они только зарождаются, когда мы видим только первоначальную тенденцию. Несколько вульгарно выражаясь, можно сказать, что с помощью метода марксизма мы сможем видеть на несколько верст под землей.

В чем заключается теперь наша задача? Наша задача заключается в том, чтобы все это увидеть, чтобы принять контр-меры, чтобы обратить на это внимание рабочего класса.

Но для чего это нужно? Необходимо, чтобы партия наша сознавала, что революция еще находится в опасности, и в каком смысле она находится в опасности. События в Гааге показали эти опасности. Там капитал грубо пред'явил нам векселя почти полной реставрации. До процесса эсеров мы сами не знали даже, мы лишь поверхностно представляли себе это, а также и то, что представляет из себя работа партии эсеров. Даже мы не могли знать, что это настолько просто, настолько грубо, что Центральный Комитет партии эсеров нанимается к министру Бриану или министру Бенешу; связь между партией эсеров и международной реакцией доказана вполне. То же вообще с антисоветскими силами. В этом отношении революция продолжает быть в опасности. Этапы, которые проходит Советская Россия, чреваты этими опасностями.

Смысл первой нашей задачи заключается в том, чтобы мы эту опасность сознали, чтобы у нас не было преувеличенного представления о своей крепости. Мне кажутся знаменательными выступления Горького, Анатоля Франса и вообще некоторых наших полу-друзей, которые заявляют о том, что мы настолько крепки, что нам нечего бояться против-

ников. У нас есть противники, которые отстраняются от нас, когда считают нас слабыми, и имеются полу-друзья, которые выступают против нас, когда им кажется, что мы слишком сильны. Многим кажется, что все споры теперь окончены, что можно всех помиловать и погладить по головке. Поэтому теперь наступает необходимость, в связи с событиями в Гааге, проникнуться сознанием, что революция еще находится в опасности, что возможны еще всякие реприманды, вплоть до интервенции, и что международный капитал будет пытаться при поддержке внутренних антисоветских сил взять нас с руками, измором заставить нас возвратить им частную собственность. Вот то, что нам нужно видеть прежде всего.

Выступления наших врагов заметны не только в Москве и Петрограде, но и в каждой губернии. В одном случае это не так ясно, в другом не такие известные имена; вы в провинции не можете столкнуться с резолюциями целых „общественных" с'ездов, с большими журналами, но всюду вы увидите попытку обойти вас с тыла. Это надо сознавать.

Необходима ударная работа в тех отраслях, которые являются потенциальными источниками враждебных нам сил. Наша партия была всегда ударной. Наступил момент, когда мы должны понять, что ударными отраслями работы является кооперация, затем—высшая школа, литература. В этой области наша партия должна проделать сейчас ударную работу. Само собою понятно, что бороться против буржуазной литературы одними репрессиями нельзя. Таким путем многого не добьемся. Жажда знаний возникла в среде рабочих и в среде крестьянства. Она должна была проснуться, и следует отметить, что эта жажда знаний—громадная сила.

И уж, конечно, не мы, руководители революции, будем поворачиваться спиной к этому движению. Нельзя отделываться фразами, что вся профессура контр-революционна, что литература контр-революционна, и что врачи тоже контр-революционеры. Та жажда знаний, которая сейчас просыпается, и которая может стать могучим фактором, она есть результат революции, это новый фактор, которому партия должна пойти навстречу.

Дальше нам необходимо крайне дифференцированное отношение к нашим противникам, т. е. умение различать их.

Нам на это скажут грубо: вы нас расколоть хотите. Гоц на процессе заявил, что ни одна партия не производила столько расколов среди других партийных группировок, как партия большевиков. Всякий, кто к нам приближался, тот политически погиб. Он этим невольно отдал дань силе и сплоченности нашей партии. Конечно, мы знаем, что противники будут истолковывать нашу политику, как политику хитрости

и раскола и т. д. Нет, скажем мы. Тут дело идет не о хитростях, а об об'ективных, глубоких общественных явлениях, о целом ряде расслоений. Происходит большая расслойка. Мы не должны теперь все политические группировки и течения мешать в кучу, мы не должны говорить, что все кошки серы, что вся интеллигенция контр-революционна, что все врачи против нас, что все профессора, все писатели против нас. Это далеко не так. Громадная, могучая революция, когда она входит в полосу реального достижения своих завоеваний, не может не привлечь к себе значительную часть того, что есть лучшего в этих слоях И мы будем их привлекать. Здесь все дело в том, чтобы мы сумели присмотреться и прислушаться внимательнее не только к каждой отдельной группе, но к каждой отдельной личности: по-товарищески подходить к ним, оказывать им поддержку и понимать, что это неизбежно, что таким путем необходимо удовлетворить культурным потребностям страны, вызванным революцией. Это есть важнейшая задача партии.

Не одни репрессии.

Что мы полностью отказываемся от репрессий, мы ни в каком случае, конечно, говорить не можем и говорить не должны. К нам тоже применяли репрессии меньшевики и эсеры, но эти репрессии не добили нас. Почему? Да потому, что мы выражали лучше всех назревшие и почти осознанные интересы рабочего класса и части крестьянства. Жизнь была за нас. Мы выражали то, что созревало в стране. Поэтому репрессия по отношению к нам не добила нас, а помогла нам. А наши репрессии, почему они уничтожают меньшевиков и эсеров? Потому, что они представляют вчерашний день революции. Когда головни догорают, попытайтесь затоптать их сапогом, и вы заглушите их совсем. Но когда пламя вспыхивает, и когда меньшевики и эсеры дуют на него, как это было в июльские дни, это пламя еще больше разгорается. Вот почему мы не думаем отказываться от репрессий. Но они должны занять не то место теперь, какое занимали в эпоху военного коммунизма. Мы умели прибегать к решительным мерам в разгар гражданской войны. Теперь мы можем прибегать и к более сложным, не таким механическим мерам.

Вот предо мною книга меньшевиствующего профессора Тахтарева „Общество и его механизм“ Книжка, в общем, довольно глупая, смесь бернштейнианства, толстовства, „социологии“ Ковалевского и т. д. Но даже и он понял, что такое партия, как образуется государство, какую роль при этом играет насилие. Он понял это потому, что слишком наглядно происходило дело за эти последние пять лет. Вот что он пишет о репрессиях: „Чтобы уничтожить партию, нужно уничтожить не столько

самые общественные группы, организующиеся партийным образом, сколько дезорганизовать и разрушить ту партийную машину, которая представляет собой внутренний, двигающий механизм любой партии. Разрушение этого механизма лишает партию всякой силы и способности к проявлению себя в действиях, практически уничтожает ее дееспособность". И он описывает подробно механизм партии. Он говорит, что партия требует руководителей, деятелей, исполнителей директив, указаний, агентов и т. д., и т. д., одним словом—оргбюро.

Мы, конечно, никогда не стремились к тому, чтобы уничтожить общественные группы, на которые опираются эсеры. Это смешно было бы и думать. Конечно, эсеры опирались на крестьянство. Разве мы можем говорить о том, что нужно уничтожить крестьянство? Нисколько. Поэтому мы должны перейти к системе комбинированных мер, когда, осознав все положение, мы сумеем привлечь все то, что может перейти на сторону Советской власти. Если мы будем энергично работать в тех четырех отраслях работы, о которых я уже говорил; если мы бросим на эту работу достаточное количество сил; если мы уделим ей достаточно внимания; если мы затем пойдем навстречу той громадной пробуждающейся жажды знания, которая имеется в нашей стране в нынешней полосе революции; если мы сумеем шаг за шагом в этой полосе работать и если мы рядом с этим будем делать по отношению к нашим врагам то, что так ясно выражено у Тахтарева,—тогда будет, действительно, настоящее применение марксистского метода. Вот те практические предложения, которые я имею сделать.

Теперь несколько слов, касающихся наших внутрипартийных отношений. Для того, чтобы провести предложенную тактику, которая требует, конечно, громадной массы усилий и комбинированных действий, для этого необходима одна предпосылка—необходима предпосылка внутрипартийная. Необходимо, прежде всего, серьезное, правильное, ясное и здоровое отношение к НЭП'у. Все то, о чем я говорил,— осью его является НЭП. Все это вертится вокруг НЭП'а. Он создает для буржуазии обстановку, дает почву для легальной литературы, выдвигает нынешнюю роль кооперации, высшей школы и пр., и пр. Для того, чтобы мы могли проделать всю работу в новой обстановке; для того, чтобы мы могли в короткий срок решить задачу политической ликвидации наших противников,—для этого нужно более цельное отношение к НЭП'у, чем было до сих пор.

Год тому назад замечалось почти полное непонимание НЭП'а. Теперь мы сделали громадный шаг вперед. Но и сейчас нельзя сказать что есть цельное и ясное отношение к НЭП'у в партии. В своих тезисах я употребляю следующее выражение, которое, может быть

дится только для внутреннего употребления. Я говорю так: мне сдается, если посмотреть на то, что делается у нас в партии, можно отметить, что есть в ней группа, которую можно назвать «партийными праведниками», которые по отношению к НЭП'у говорят: миновала бы нас эта чаша, подальше бы от этого НЭП'а, мало в нем коммунизма, и откуда это свалилось, лучше бы нам не пачкать рук и т. д. И рядом с этими товарищами есть группа, которую я назвал,—не знаю, удачно или нет, для вежливости «чрезмерными реалистами» в ковычках; эти товарищи в упоении от НЭП'а и считают, что свалилось то, что они ожидали. И они часто забывают, что мы смотрим на НЭП, как на известный исторический этап. Последняя группа «реалистов» слишком припала к чаше НЭП'а.

Я думаю, что эти два уклонения существуют. Когда у нас на конференции шли прения о профсоюзах, о кооперации, мы слышали это в прозаических терминах: «отрыв хозяйственников от партии, от профсоюзов" и наоборот. Я считаю абсолютно неправильной тенденцию, которая просачивается в профсоюзах, чтобы в правление профсоюзов не выбирать хозяйственников-коммунистов. Этого делать нельзя. Мы узаконим деление в партии, которое чревато громадными опасностями. Хозяйственники ведут преступную политику, когда говорят рабочим, приходящим к ним с требованием увеличения заработной платы: я бы увеличил, но Советская власть столько налогов наложила, что я платить не могу. И тоже профессионалист, когда он говорит: я стою за тебя, но хозяйственник не дает. Эти явления не так, чтобы смертельны, но их надо видеть и тогда мы их поборем.

Тем белоручкам, которые говорят: откуда взялся этот НЭП, лучше миновал бы он нас, надо знать, что НЭП—не наносное явление, он не с неба свалился, НЭП—это этап в истории русской революции, продиктованный всем соотношением сил не только в нашей стране, но и на международной арене. Наши товарищи-практики должны это тоже понять. Из-за чрезмерного «реализма» они могут оторваться от партии или от профессиональной организации. Такой отрыв чреват громадными опасностями. И в той, и в другой области надо преодолеть стоящие перед нами трудности. Конечно, легко сказать—преодолеть, когда в живой жизни на каждом шагу мы наталкиваемся на жизненные противоречия. Но нам надо ясно видеть эту задачу.

Должен еще сказать, товарищи, о наших маневрирующих меньшевиках и эсерах, которые еще не окончательно избрали путь вростания, но которые к нему идут.

У них главный расчет на то, что происходит внутри нашей партии. Они все еще продолжают надеяться, что, может быть, отсюда бу-

дет что нибудь для них выгодное. В последнем номере «Социалистического Вестника» и Мартов, и Дан заявляют, что «настоящие социалисты в рядах РКП в последнюю минуту поймут и т. д.». О рабочей оппозиции Мартов пишет: «Только, когда находящаяся сейчас в рядах большевистской партии часть рабочего класса откристаллизуется в отдельную, хотя бы утопическо коммунистическую,—но пролетарски-классовую партию. вопрос об едином пролетарском фронте в России примет тот же вид, что и везде». Другими словами, по Мартову, пусть рабочая оппозиция, пусть будут утописты, синдикалисты, но пусть она хоть что-либо образует свое, т. е. сделает раскол в нашей партии. Более того, орган Струве, который я вам цитировал, тоже занимается этим вопросом. Торговый комитет, сидящий в Париже, называет рабочую оппозицию «революционным движением внутри коммунистической партии». Он говорит, что «в этом недоверии нынешней нашей политике есть вполне здравый инстинкт рабочих». Для них всего желательней примитивный рабочий, который не видит дальше своего пятачка, который образует свою утопическо-синдикалистскую партию.

Наши враги возлагают на это большие надежды. Мартов в последнем номере «Социалистического Вестника» пишет статью под заглавием «Проблема единого фронта в России». Я давно не читал у Мартова таких спокойных «социологических» обобщений, которые дает в этой статье Мартов. Тут есть идея меньшевизма в чистом виде. Мартов говорит, что такое «единый фронт»? В Западной Европе единый фронт—это об'единение всех рабочих партий. В России—это об'единение рабочего класса и крестьян. Возможно-ли оно? Возможно. Каким образом? При об'единении большевиков и эсеров, потому что большевики и эсеры одинаково-де связаны с мелкой буржуазией с той только разницей, что большевики больше связаны с пролетарской частью, а эсеры наоборот. А мы-де, меньшевики, чистая рабочая партия. Конечно, мы-де в меньшинстве, но всем умным людям так на роду написано: быть в меньшинстве. Далее об об'единении эсеров и большевиков Мартов говорит: «Исторический момент, переживаемый ныне страной, делает об'ективно возможным сближение двух далеко разошедшихся флангов одного, по существу, класса. На одном полюсе выветрились иллюзии коммунизма, на другом—иллюзии интервенции, вооруженного свержения большевизма при содействии или путем «использования» не демократических сил.

И вот теперь, мол, как раз настал момент для об'единения.

У Мартова сейчас происходят совещания с эсерами под председательством Дана, и потому мы не удивимся, если узнаем, что эта статья является плодом коллективного творчества Мартова, Дана и Чернова.

Вот, как представляется меньшевизм в чистом виде. Вот, как думает Мартов, когда он убеждается, что свергнуть нас дело не простое и обойти с тыла тоже нелегко. Но само собою разумеется, что предлагаемая Мартовым дорога—не наша дорога. Мы знаем, что НЭП, как историческая эпоха—чревата опасностями. При НЭП'е наши враги могут опереться на те или иные слои. Мы знаем, что рабочий класс распылен, но мы также знаем, что у нас первый урожайный год после гражданской войны, и мы уверены, что на своем пути мы получим полную победу.

Я слышал от ответственных руководителей нашего хозяйства, вовсе не от оптимистов, что у нас хозяйственные дела на местах не только начинают поправляться, но даже поправились на местах. Конечно, не надо чрезмерно обольщаться этими надеждами, прорех у нас масса. Мы недавно обсуждали проект о том, что надо начать восстановлять города в Советской России, и это не один, не два года. Но ясное дело, что у нас первые победы в этой области уже одержаны. Что нам нужно, что все решает,—так это положение внутри партии. С каких бы самых отдаленных вещей ни начинать,—приходишь к тому, что здесь узел, и это отлично понимают и российский финансово-промышленный комитет в Париже, и наши враги из лагеря эсеров и меньшевиков в России, и 2 и 2½ Интернационалов. Если внутри нашей партии будет правильное понимание НЭП'а, если партия будет правильно применять все средства, если мы, вооруженные методом марксизма, сумеем его применять так, чтобы и в 1922 г. двигаться вперед, тогда наша задача будет полностью разрешена.

Резолюция Партконференции.

Резолюция по докладу т. Сокольникова.

Конференция одобряет линию, проводившуюся ЦК в области направления внешней политики, и выражает удовлетворение позицией делегаций РСФСР в Генуе и Гааге. Конференция, в связи с исходом Генуэзской и Гаагской конференций, обращает внимание всех членов партии на необходимость сосредоточить все силы и всю энергию на вопросах укрепления народного хозяйства, обеспечения трудящихся вообще и рабочего класса в особенности и поддержания на должной высоте обороноспособности РСФСР.

О задачах партии в кооперации.

Исходя из того:

а) что после введения натурналога и установления свободы товарооборота, в условиях пролетарской диктатуры и государственного капитализма, кооперативная форма товарообмена является наилучшей и заслуживающей всемерной поддержки;

б) что в условиях острой экономической разрухи и недостатка рессурсов у государства кооперация является важнейшим средством под'ема производительных сил в крестьянском хозяйстве и в кустарной промышленности;

в) что кооперация, вовлекая в свое русло широкие массы рабочих и крестьян в качестве непосредственных участников и для защиты их ближайших экономических интересов, составляет одну из важнейших форм смычки между рабочим классом и крестьянством,—

Всероссийская Партийная Конференция постановляет:

В области потребительской кооперации.

1. Потребительская кооперация, об'единяющая рабочих и крестьян и непосредственно выполняющая задачи товарообмена между городом и деревней, является наиболее широкой ареной для осуществления экономического союза рабочих и крестьян. Непосредственная заинтересован-

ность рабочего, как потребителя, обусловливает его активное участие в строительстве потребительской кооперации и тем обеспечивает его влияние на кооперативное крестьянство.

В силу этого отличия потребительской кооперации от других видов, не включающих в свой состав городской пролетариат, необходимо сохранение обязательного членства в потребительской кооперации.

2. Рабочий класс, осуществляя основную задачу революции— руководство крестьянством, должен, не строя обособленной системы рабочей кооперации, добиться решающего влияния своих классовых организаций на потребительскую кооперацию в целом, при одновременном максимальном внимании к делу улучшения снабжения рабочих и укрепления рабочих кооперативов.

Конференция признает совершенно недопустимым выделение рабочей кооперации из общегражданской или даже установление таких взаимоотношений, которые шли бы в направлении этого выделения.

3. Очередной задачей потребительской кооперации является в настоящий момент упрочение ее связи с кооперированными массами, расширение действительно обслуживаемого контингента потребителей, наиболее полное удовлетворение их нужд и вовлечение кооперированных крестьян и рабочих в активную работу кооперации.

Конференция считает, что обязательный состав потребительской кооперации и наличие государственных заданий ни в коем случае не должны превращать потребительскую кооперацию лишь в технический аппарат государственного товарообмена и распределения. Деятельность потребительской кооперации должна быть основана на самодеятельности кооперированного населения, на основе материальной заинтересованности участников.

Способами увеличения этой заинтересованности при добровольности паевых взносов могут явиться: предоставление преимуществ по паевым, целевым и другим взносам распределение прибылей участия в отдельных операциях и другие способы поощрения активных участников.

Предоставление преимуществ по паевым и специальным взносам не должно, однако, умалять прав всего кооперированного населения на участие в управлении делами кооперации.

4. Для обеспечения непрерывности и полноты снабжения промышленных рабочих и для связи государственных органов (синдикатов, трестов, банков и т. д.) с крестьянством, минуя частного посредника, конференция признает необходимым установление тесного взаимодействия между органами управления промышленностью и потребительской кооперацией на основе льготных условий кредитования и преимущественной работы через ее аппарат.

Конференция обращает внимание на необходимость устранения излишнего увеличения накопления прибыли в ущерб непосредственному обслуживанию интересов потребителей.

В области сельско-хозяйственной промысловой кооперации.

1. Исходя из настоятельной необходимости всемерного развития и укрепления сельского хозяйства, поднятия его производительности и сохранения хозяйственной устойчивости маломощного крестьянства, конференция признает важнейшей задачей партийной работы в деревне— строительство сел.-хоз. кооперации, развитие ее сети и превращение из организаций, об'единяющих по преимуществу зажиточные слои деревни, в организации, охватывающие массы беднейшего и среднего крестьянства.

Ближайшей задачей парторганизаций является переброска для работы в с.-х. кооперацию значительного количества коммунистических сил.

В целях обеспечения влияния пролетарских элементов в деревне на с.-х. кооперацию, необходимо добиться в возможно близком будущем полного и организованного слияния колхозных об'единений с общей сельско-хозяйственной кооперацией.

2. Промысловая кооперация, способствующая увеличению общего количества продуктов в стране, также нуждается в усилении пока еще недостаточного коммунистического влияния. Конференция считает необходимым расширить и углубить партийную и советскую работу по укреплению промысловой кооперации и привлечению наиболее близких к пролетариату трудящихся кустарей.

3. С.-х. и промысловая кооперация, об'единяющая мелких производителей с многообразием индивидуальных особенностей их хозяйств и потребностей, должна строиться на принципе добровольности и хозяйственной заинтересованности. Конференция принимает установленную действующим законодательством по кооперации свободу в выборе специальных ее форм (с.-х., кустарно-промысловой и кредитной) целесообразной и соответствующей задачам поднятия народного хозяйства.

4. Дальнейшее развитие с.-х. и промысловой кооперации, вообще, и переход от преобладания торгово-посреднических функций к преобладанию функций производственных, в частности, зависит, главным образом, от достаточно широкой постановки кредитного цела. Поэтому необходимо, на-ряду с организацией государственного с.-х. кредита, усиление организационной работы по созданию кредитной кооперации, на основе декрета от 27 января 1922 г.

5. Деятельность всех как кредитующих, так и других государственных учреждений по отношению к с.-х. и промысловой кооперации должна быть строго согласована с обще-партийной линией и проходить под неослабным вниманием партийных органов.

При кредитовании, а также при оказании других видов материальной поддержки кооперации необходимо иметь в виду, в первую очередь, интересы маломощных слоев крестьянства и кустарей.

Взаимоотношения между отдельными видами кооперации.

1. В целях возможного согласования, об'единения и направления работ различных видов кооперации необходимо принятие ряда мер, которые устраняли бы параллелизм функций, конкуренцию между отдельными кооперативами на рынке, распыление средств и сил и отсутствие единого плана борьбы с частным торговым капиталом

Как меры согласования деятельности различных видов кооперации, конференция намечает:

а) Добровольное слияние отдельных видов кооперации в смешанные кооперативы и их союзы в тех местах, где это вызывается ходом хозяйственной жизни, и в тех случаях, когда такое слияние не наносит ущерба пролетарскому влиянию на кооперативную работу. Такого рода слияние надлежит производить с особенной осторожностью, имея ввиду, что этот вопрос еще не выяснен и требует накопления данных опыта. Смешанные формы строительства кооперации должны быть поощряемы преимущественно вокруг потребительской кооперации, при обязательном условии максимального удовлетворения производственных нужд сельского хозяйства и его отдельных видов.

б) Постановку об'единенных, общих для отдельных видов кооперации, промышленных и хозяйственных подсобных предприятий, путем акционирования, установления договорных и иных отношений;

в) Взаимную торговую связь и взаимное хозяйственное обслуживание на основах коммерческой целесообразности, а также об'единение кредитных функций, с задачей устранения посредников между отдельными видами кооперации.

г) Постановку общих организационных, кооперативных мероприятий в области учебно-курсовой, издательской и проч.

д) Согласование деятельности отдельных видов кооперации на местах должно производиться в нормальном кооперативном порядке, на основании существующих декретов о кооперации, ни в коей мере не подавляя развития хозяйственной инициативы и самодеятельности.

2) В существующих хозяйственных условиях невозможно полное и строго определенное функциональное размежевание деятельности между отдельными видами кооперации. Поэтому несогласованность в работе различных видов кооперации необходимо устранять, не чиня препятствий подсобной хозяйственной деятельности, хотя бы она и относилась к области деятельности другого вида кооперации.

Конференция признает также ошибочными попытки разрядить создавшееся противоречие построением принудительного кооперативного интеграла.

Такое решение убило бы самодеятельность и лишило бы деревенскую кооперацию основных стимулов развития.

Организационная задача парторганов.

В новых условиях работы кооперативных организаций настоятельно необходим переход от случайного к постоянному, систематическому руководству со стороны парткомов коммунистическими фракциями кооперативных организаций.

Каждый партком должен выявить всю сеть ячеек, фракций и одиночек-коммунистов, работающих в различного рода кооперативах данной местности, и установить между ними и соответствующими парткомами взаимную связь.

Конференция указывает на необходимость держаться чисто-делового способа укрепления позиций партии в кооперативном движении, путем направления в кооперации лучших хозяйственных работников и завоевания ими делового доверия участников кооперативных об'единений.

Резолюция по докладу о профсоюзах.

Конференцией единогласно принята за основу следующая резолюция по докладу о профсоюзах и передана в специально избранную для этого вопроса комиссию:

«Учитывая опыт работы профсоюзов на основе резолюций XI с'езда Р.К.П., конференция констатирует, что, несмотря на ряд практических дефектов и некоторых уклонений, вытекающих как из неправильного толкования резолюций с'езда, так равно и из сложности обстановки, тем не менее вся практика осуществления намеченных XI с'ездом задач профсоюзов целиком подтвердила правильность линии, намеченной XI с'ездом Р.К.П.

Конференция предлагает всем парторганизациям в большей степени уделить внимание работе профсоюзов, усилить идейное влияние на фракции Р.К.П. профсоюзов, всемерно укрепляя как своей моральной, так и материальной поддежкой практическую деятельность профсоюзов, их авторитет среди беспартийных рабочих масс.

В то же время конференция считает необходимым указать, что организационная форма профсоюзов нераздельно связана с общей экономической политикой партии, проводимой через централизованные всероссийские профессиональные об'единения. Поэтому парторганизации ни в коем случае не должны вмешиваться в организационную и финансовую деятельность профсоюзов и тем более отменять распоряжения центральных профорганизаций.

Признавая работу Ц.К и бюро фракции В.Ц.С.П.С. по усилению руководящего состава профорганизаций выдержанными и ответственными работниками коммунистами безуслвно правильной и удовлетворительной, конференция считает необходимым неуклонно продолжать ее как в центре, так и на местах, обращая внимание губернских и уездных партийных организаций на необходимость в то же время проделать совместно с фракциями соответствующих профорганов параллельную работу в низовых организациях профсоюзов (райкомах, уездкомах союзов, фабричкомах и т. п.).

Попрежнему вовлекая широкие слои наиболее сознательных беспартийных рабочих в активную работу профсоюзов, партия должна неуклонно стремиться, дабы обеспечить себе идейное и практическое руководство во всех звеньях профорганизаций. Поэтому, во всякой профкампании, связанной с формированием и выборами профорганов, начиная от фабзавкома, парторганизации должны принять самое деятельное участие, повсюду проводя наиболее активных, выдержанных и авторитетных членов партии, преимущественно рабочих.

Резолюция по докладу тов. Зиновьева об антисоветских партиях и течениях.

1. Подводя итоги первому году существования Советской власти в условиях новой экономической политики, Р. К. П. не может не обратить самого пристального внимания на то, какие новые группировки и перегруппировки образуются в антисоветском лагере, как эволюционирует и изменяется в связи с новой полосой революции тактика антисоветских партий, течений и т. п.

2. В общем и целом за последний год в антисоветском лагере обнаруживается начало серьезного расслоения. Раскол кадетской партии на правых и левых кадетов и образование, в связи с этим, двух отдельных кадетских центров за границей, появление сменовеховского течения среди определенной части буржуазии, начавшийся глубокий раскол церкви, чреватый серьезнейшими последствиями, разделение меньшевиков и эсеров на ряд новых групп и подгрупп (левые эсеры раскололись на две группы; в лагере правых эсеров, на-ряду с прежними группировками, определилась архи-правая группа Авксентьева, Керенского, Минора, Бунакова; в лагере выделилась справа группа «Заря» за границей и «внепартийная группа с.-д. в России», и намечается группа, критикующая меньшевистский центр «слева»), усиление дифференциации среди студенчества в России и даже среди эмигрантской части студенчества, усиливающаяся дифференциации среди верхов бывшего белгвардейского генералитета—все это, вместе взятое, является симптомом ослабления антисоветского лагеря и косвенным подтверждением упрочения наших позиций.

3 Но в то же время первый же год существования Советской власти в условиях новой экономической политики принес с собою новые опасные явления, которые необходимо учесть. Антисоветские партии и течения частично меняют тактику: они пытаются использовать советскую легальность в своих контр-революционных интересах и держат курс на «вростание» в советский режим, который они надеются постепенно изменить в духе буржуазной демократии, и который, по их расчетам, сам идет к неизбежному буржуазному перерождению.

Все указанные процессы распада, разложения и перегруппировок в антисоветском лагере питаются не только уже давно обозначившимся отслоением некоторых групп буржуазной интеллигенции от старого блока генеральско-помещичьего крепостничества с крупной капиталистической буржуазией, но и процессом частичного восстановления капитализма в рамках советского государства, порождающего рост элементов, так-называемой «новой буржуазии» (торговцы, частные арендаторы, различные свободные профессии в городе и деревне, деревенское кулачество и т. д.).

4 Первый год существования Советской власти в условиях новой экономической политики, совпавший с тягчайшим голодом, с усилением международной капиталистической реакции, с пред'явлением советскому государству груборесталраторских требований от капиталистов и правительств Антанты (Генуя, Гаага), подтолкнул на усиленную контр-революционную работу не только меньшевиков и эсеров, но и политиканскую верхушку мнимо-беспартийной буржуазной интеллигенции Опыт пресловутого всероссийского общественного комитета помощи голодающим

(„Прокукиш“), попытавшегося использовать легальную организацию помощи голодающим для целей контр-революции, был только первым шагом. На всероссийском с‘езде врачей (май 1922 г.), на агрономическом с‘езде, на с‘езде сельско-хозяйственной кооперации мы видели то же самое. Политиканствующие эсеро-меньшевистские или мнимо-беспартийные буржуазно-интеллигентские верхи пытались все эти с‘езды использовать в интересах контр-революции.

5. Начало новой экономической политики вызвало было у меньшевиков и эсеров надежду на капитуляцию Р. К. П. и установление «демократической» коалиционной власти. Но по мере того, как все эти надежды оказывались иллюзорными, меньшевики и эсеры все больше впадали и впадают в авантюризм. С одной стороны, верхи меньшевиков и эсеров заняли позицию крикливой «непримиримости» и пытаются организовать движение против Советской власти, критикуя ее с точки зрения лозунгов и надежд самой Октябрьской революции, фальшиво изображая свои партии, как единственные в нынешний момент организации, готовые бороться за реальное проведение требований, выдвинутых массами в годы высочайшего под‘ема пролетарской революции. Этого рода агитация эсеров и меньшевиков не имеет и не может иметь серьезного успеха в массах, в виду ее слишком очевидной фальши и в виду того, что среди самых широких масс трудящихся опыт нескольких лет гражданской войны породил достаточно реалистическое отношение к тому, что выполнимо и что невыполнимо в переживаемое время. Этого рода агитация эсеров и меньшевиков является только косвенной данью идеям большевизма, подтверждая громадную обаятельность наших лозунгов среди трудящегося населения. Этого рода агитация в конечном итоге обернется против эсеров и меньшевиков. По мере того, как общее улучшение обстановки поможет нам ускорить практическое выполнение положительной программы Октябрьской революции, для самых широких масс все яснее обрисуется предательская роль эсеров и меньшевиков, на деле все время мешавших претворению этой программы в жизнь.

Но, с другой стороны, те же эсеры и меньшевики пытаются использовать легальные возможности советского строя и выдвигают Советской власти частичные требования. Легальные с‘езды и «общественные» организации вышеуказанного характера служат для эсеров и меньшевиков, а также для других контр-революционных групп и течений вплоть до конституционно-монархических, ареной для проведения этой последней тактики «использования легальных советских возможностей».

6. В особенности, антисоветские партии и течения пытаются использовать кооперацию.

Р. К. П. может и должна всеми силами помочь возрождению кооперации и укреплению ее хозяйственной мощи. Но Р. К. П вместе с тем не должна ни на минуту закрывать глаза на то, что контр-революционные партии и течения, пренебрегая коренными интересами кооперации, пытаются превратить эту последнюю в оплот и организационную базу контр-революции. На всероссийском с'езде (25 губ.) верхов сельско-хозяйственной кооперации, происходившем летом прошлого года, за большинство боролись только две группы: одна — эсеровская, другая — конституционно-монархическая. И, в конце-концов, обе эти группы образовали единый блок. Приблизительно такое же положение вещей до самого недавнего времени существовало в кустарно-промысловой кооперации.

Антисоветские партии и течения систематически пытаются превратить сельско-хозяйственную кооперацию в орудие кулацкой контр-революции, кафедру высших учебных заведений — в трибуну неприкрытой буржуазной пропаганды, легальное издательство — в средство агитации против рабоче-крестьянской власти и т. п.

Особенное внимание в этом отношении должно быть обращено на деревню, где на почве Нэп'а и развития кулачества, ставящего в зависимость от себя деревенскую интеллигенцию, антисоветские элементы стремятся не только проникнуть в кооперацию, но и провести свое влияние в сельсоветах и волисполкомах.

7. Так называемое сменовеховское течение до сих пор играло и еще может играть об'ективно прогрессивную роль. Оно сплачивало и сплачивает те группы эмиграции и русской интеллигенции, которые „примирились" с Советской властью и готовы работать с ней для возрождения страны. *Постольку* сменовеховское направление заслуживало и заслуживает положительного отношения. Но вместе с тем нельзя ни на одну минуту забывать, что и в сменовеховском течении сильны буржуазно-реставраторские тенденции, что сменовеховцам обща с меньшевиками и эсерами та надежда, что после экономических уступок придут политические в сторону буржуазной демократии и т. п.

Все вышесказанное выдвигает перед Р. К. П. следующие задачи:

А) Партия должна твердо помнить и систематически напоминать об этом всему рабочему классу и крестьянству, что революция и в самом непосредственном смысле все еще находится в опасности. Источник Гааги показал это с достаточной убедительностью. Та или другая, но всегда и неизменно достаточно тесная связь между интернациональной капиталистической реакцией и русскими антисоветскими партиями и течениями остается. Ход и перипетии эсеровского процесса показали, что эта связь внутренней контр-революции с иностранным капиталом

достаточно прочна и отнюдь не только платонична. Антисоветские партии и течения еще не раздавлены. Они меняют тактику, и приспособляясь к новым условиям, стремятся, опираясь на европейскую капиталистическую реакцию, обойти Советскую власть с тыла.

Б) В ближайшее время партия должна обратить особенно серьезное внимание на те формы организации и общественной жизни, которые являются для антисоветских партий и течений наиболее доступной ареной влияния. Таковы: всех видов кооперация (в особенности, сельско-хозяйственная кооперация, труд-союзы и т. п.), высшая, средняя и низшая школы, профсоюзы (особенно, непроизводственные и не чисто пролетарские по своему составу), культурно-просветительное движение молодежи, спилки — на Украине, издательское дело и т. п. Партийные организации должны суметь сейчас уделить максимальное количество внимания и сил указанной работе, чтобы лишить антисоветские группы всякого влияния и тем в корне уничтожить возможную опору их существования. Печать, высшая школа, кооперация — все это тоже „командующие высоты“, которые партия обязательно должна удержать или завоевать. Умение Р. К. П. концентрировать внимание на очередной ударной задаче всегда являлось самой сильной стороной нашей партии. При правильной тактике Р. К П. сможет в этом случае в сравнительно короткий срок окончательно ликвидировать партии эсеров и меньшевиков, как политические факторы.

В) Опираясь на начавшийся процесс расслоения среди антисоветских групп, наши партийные организации должны суметь серьезным деловым образом подойти к каждой группе, прежде враждебной Советской власти и ныне обнаружившей хотя бы малейшее искреннее желание действительно помочь рабочему классу и крестьянству в деле восстановления хозяйства, поднятия культурного уровня населения и т. п. Более, чем когда бы то ни было, партийным организациям в настоящее время необходимо проявить дифференцированное отношение к каждой отдельной группе (или даже отдельному лицу) представителей науки, техники, медицины, педагогики и пр., и т. п. По отношению к действительно беспартийным элементам из среды представителей техники и науки, учительства, писателей, поэтов и т. д., которые хотя бы в самых основных чертах поняли действительный смысл совершившегося великого переворота, необходима систематическая поддержка и деловое сотрудничество.

Партия должна делать все, что от нее зависит, для того, чтобы помочь кристаллизации тех течений и групп, которые обнаруживают действительное желание помочь рабоче-крестьянскому государству. Начиная от столицы и кончая уездным городом, партия должна терпеливо,

систематически и настойчиво проводить именно эту линию для того, чтобы облегчить указанным элементам переход к сотрудничеству с Советской властью.

Г) Партия должна со своей стороны сделать все возможное для удовлетворения быстрого роста культурных потребностей и пробудившейся в народе громадной жажды знания. Этот рост культурных потребностей и жажда знания являются характернейшим признаком жизни данного этапа революции, на-ряду со стремлением широких кругов населения прочно закрепить завоевания революции, установить революционный порядок и реально повысить свой уровень жизни. В меру того, как партия поможет Советскому государству удовлетворить эти потребности, антисоветские партии и течения окончательно потеряют под собою всякую почву. Ускоренная и усиленная подготовка свежих кадров работников для всех отраслей государственного строительства из среды Р. К. П. и Р. К. С. М., систематическое развитие и улучшение просветительно-воспитательной работы партии над своими собственными членами являются в связи с этим самыми насущными партийными задачами.

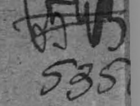
Д) Буржуазному влиянию необходимо противопоставить целую систему мер пропагандистско-агитационного порядка. Необходимо направить все усилия на идейное укрепление пролетарского ядра нашей партии, приблизив партийно-воспитательную работу к фабрично-заводским коллективам и привлекая к ней советских, хозяйственных и профессиональных ответственных работников (марксистские кружки, клубы и пр.). Точно также необходимо поставить своей задачей усвоение деревенскими коммунистами правильного понимания взаимоотношений между городом и деревней в условиях пролетарской революции.

Как на ближайшие практические задачи, необходимо указать на следующее:

а) Надо поднять работу научно-коммунистической мысли, дабы иметь возможность организованно вести линию «воинствующего материализма» и всей идеологии революционного марксизма (оживление работы социалистической академии, научных кафедр коммунистических университетов, работа по завоеванию ученых органов при советских учреждениях и т. п.).

б) Поскольку громадную роль в деле борьбы с буржуазными влияниями должна сыграть советско-партийная журналистика, нужно организовывать это дело в известной степени по единому плану, дав туда силы и средства.

в) Принять все меры к улучшению в текущем учебном году учебной части в партийных школах высшего типа и радикальному повышению их материального положения.



г) Напрячь все силы на повышение политического уровня рядовых членов партии.

д) Для объединения деятельности марксистских кружков необходимо создавать при губкомах пропагандистские коллегии и постоянные пропагандистские совещания, в сферу влияния которых включить кружковую работу; необходимо обратить сугубое внимание на снабжение марксистских кружков соответствующей литературой.

е) Агитпропагандистскому отделу Ц. К. указать на срочную необходимость разработки ряда мер просветительной работы в деревне, приспособив ее к обстановке переживаемого момента.

ж) Вместе с тем нельзя отказаться и от применения репрессий не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо-беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции, которая в своих контр-революционных целях злоупотребляет коренными интересами целых корпораций и для которых подлинные интересы науки, техники, педагогики, кооперации и т. д. являются только пустым словом, политическим прикрытием.

Репрессии, которые неизбежно не достигают цели, будучи направлены против поднимающегося класса (как, например, в свое время репрессии эсеров и меньшевиков против нас), диктуются революционной целесообразностью, когда дело идет о подавлении тех отживающих групп, которые пытаются захватить старые, отвоеванные у них пролетариатом, позиции. Однако партийные организации не должны переоценивать роли репрессий и должны твердо памятовать, что только в сочетании со всеми остальными вышеуказанными мерами репрессия будут достигать цели.

Издание Агитотдела Тулгубкома РКП.

Р. В. Ц. Тула. 1-я тип. Губсовнархоза. ул. Коммунаров 12. Тираж 1500 экз.